

Анастасия Медведева

НЕУДАЧНИЦА

16+

ИЗДАНО
НА БУМАГЕ

Анастасия Медведева

Неудачница

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67368093

SelfPub; 2022

Аннотация

Что, если объединить в одном человеке все достоинства сказочных принцесс, но приправить всю эту дикую смесь сказочной неудачливостью? Тогда можно хрустальной туфелькой зарядить принцу прямо по затылку, да и сам бал устроить в честь самой себя, а точнее – в честь скорого увольнения с нелюбимой работы! А ещё можно сразу признаться, что это и не принц вовсе, а настоящее чудовище, потому что с таким везением на большее рассчитывать не приходится! И что чудесный голосок, который по сюжету сказки привлекал птичек на помощь героине, в суровой действительности не такой уж и чудесный, а обладает довольно специфическим свойством... Интересно? Тогда читайте!

Содержание

Глава 1. Хрустальной туфелькой по затылку	4
Глава 2. Он – монстр!	24
Глава 3. Это что, бал?	57
Глава 4. Вот и сказочке конец	79
Глава 5. Так просто не бывает!	100
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Анастасия Медведева

Неудачница

Глава 1. Хрустальной туфелькой по затылку

Коротко о себе: неудачница.

Опускаю голову вниз и смотрю на заляпанные грязью колготки. Мои последние колготки.

– Да за что ж мне всё это?! – вопрошаю у небес, за что получаю пару порицающих взглядов от стоящих на остановке людей.

Интересно, за что они меня порицают? За то, что я жалуясь вслух, или за то, что умею разговаривать в принципе?.. Их не обрызгал мусоровоз, ставя жирную точку на возможности сесть на своё рабочее место вовремя! А мне опять придётся отмывать грязные пятна с ног и подсушивать мокрую ткань бумажными полотенцами в туалете, потому что, попробуй я приди на работу замарашкой – и мне сразу же помашут ручкой, кинув в голову степлером. И нет, не потому что у нас в конторе работают изверги, а потому что моя удача просто не позволит чёртову степлеру пролететь мимо

моей головы – четко в коробку для моих жалких пожитков.

Заглядываю в сумку, достаю телефон и вздыхаю ещё громче, запрокидывая голову и глядя на небо. Потом снова опускаю взгляд на дисплей. Нет! Нет-нет-нет! Как я теперь буду весь день?! И почему я не удивлена, что чёртова батарея почти разряжена?..

Перестав стенать, смотрю на время – ещё не опаздываю. И, словно даря мне лучик надежды на неожиданную удачу, прямо передо мной останавливается автобус, раскрывая свои грязные, но такие долгожданные двери. Захожу внутрь, расплачиваюсь за проезд, еду. Думаю о жизни. Моя работа – самая ужасная из всех, которые только существуют, и всё потому, что моего начальника – не существует. Когда я устраивалась секретаршей, я и подумать не могла, что ждет меня на такой простой и такой заманчивой должности! Буду всего лишь отвечать на звонки, – думала я. Будешь всего лишь готовить кофе, – уверяла моя подруга Ленка (которая и пригласила меня в место нашей работы вслед за собой). Будем вместе обедать и вместе возвращаться домой в нашу квартиру, – обещала она мне... И что же вышло в итоге? Стоило мне устроиться на работу своей мечты, как моего босса, которого я и рассмотреть-то толком не успела, смещают с его должности, а меня (ту самую секретаршу, которую взяли только из-за сексуального низкого голоса) – оставили на месте, предлагая справляться со всей корреспонденцией до появления нового начальника. Только мне могло так свезти!

И когда я говорю о везении – это чистой воды сарказм. Поскольку перенаправлять все звонки лично руководителю отдела, который меня не выносит на дух, развлечение не для слабонервных. А перенаправлять ему все звонки, зная, что уже с утра у него лежит корреспонденция на неделю вперёд – и тоже от меня... Короче, этот неведомый человек меня точно ненавидел, вот только, что я могла поделаться?! Я не компетентна. Или как-то так... Что тут можно сказать, если меня и впрямь взял тот молоденький начальник-красавчик только из-за моего умения говорить в трубку голосом девушек, работающих в печально известной платной услуге «Секс по телефону»?.. Его это забавляло – когда он со мной по тому самому телефону договаривался о моём приходе на должность его секретарши (и тут Ленка постаралась – намекнула бедолаге о моём НЕВЕРОЯТНОМ таланте, и тот быстренько связался со мной, приглашая подписать договор).

Так и началась моя работа в компании, названия которой я даже не знала, пока не приехала подписывать все документы. Кто ж мог подумать, что это международный холдинг, а мой начальник – заместитель руководителя отдела по связям с общественностью?! Верно, Ленка могла подумать – но ей тоже показалось очень забавным притащить меня, выпускницу педагогического университета по специальности социальный работник, на должность секретарши такого большого дяди. Правда, начальник мой, как я уже упоминала, продержался недолго. Пара дней, в ходе которых я толком и не

поняла, что от меня требуется, и его уволили в ходе чистки кадров, а меня – оставили, как временно необходимую единицу... Я уже говорила, что я – не компетентна?..

Похоже, он был ещё более некомпетентен...

Ходили слухи, что его устроили по знакомству, и что руководитель отдела не переносил своего зама и частенько капал на мозги начальству, чтобы его убрали. Но дружба с руководством – дело серьёзное, и мой вечно весёлый босс-озорник держался на своей должности крепко... До поры до времени.

До той самой поры...

Автобус останавливается, и я выхожу на остановке прямо перед небоскрёбом, портящим настроение всем горожанам своей несовместимостью с архитектурным ансамблем района, а по сути – местом моей работы.

Мчусь к переходу, жду сигнала светофора, стартую к зданию. Я говорила «до той самой поры»? Так вот «та самая пора» наступила с приходом к руководству компании...

Спортивный мерседес цвета металлик резко выворачивает на въезд к внутренней парковке, обдавая меня новой порцией грязи. Скот. Больше у меня слов не было – только нецензурные. Я говорила о приходе к руководству компании заносчивого холодного гада-засранца, сына директора? Так вот – это была его машина.

Перебегаю дорогу, не обращая внимания на людей, недовольно кричащих вслед спорт кару, прикладывая электрон-

ное удостоверение к панели, прохожу внутрь и несусь к лифту. На меня привычно косятся охранники, но мне плевать, у меня уже сложилась репутация неудачницы, – а про мой чудный голос знал только мой бывший босс... Так что я ждала увольнения со дня на день, надеясь только дотянуть до конца месяца, чтобы получить приличную зарплату и не реветь над газетами с объявлениями о работе, грызя заплесневелые сухари.

Лифт меня не подводит, и я уже лечу на четырнадцатый этаж, готовая стартануть в туалет, как только его дверцы раскроются. И, о манна небесная! Я попадаю в дамскую комнату, не замеченная никем! Оттираю колготки, заливаю их водой до состояния «это видно всем», снимаю колготки, сушу под горячим воздухом сушилки для рук (да тавтология, а что делать?), надеваю их на ноги, быстро расчёсываюсь, поправляю блузку и пиджак, смотрю на свою пятую точку, выигрышно обтянутую тканью юбки, подхватываю сумку с раковины, иду к двери и подворачиваю ногу.

– Мать! Вашу! – выдыхаю резко, хватаясь за ручку.

Выпрямляюсь и ковыляю прочь из туалета, надеясь, что Она ещё не на месте... Хотя, кого я обманываю?

Стоит рядом с моим столом, прожигает меня взглядом.

– Станислава Петровна, – здороваюсь сухо с секретарём руководителя отдела по связям с общественностью.

Эта милovidная, стройная блондинка с неизменно аккуратным пучком волос на голове, в неизменно идеальной

двойке, на неизменно высоченных каблуках, с неизменно высокомерным выражением на лице, всегда напоминала мне девушку, что работала у Кристиана Грея в фильме «50 оттенков серого» – да-да, ту самую, что проводит героиню к злосчастному кабинету в самом начале! Так вот, Станислава Петровна была старше меня максимум на год, может, на полтора года. Но смотрела она на меня так, словно я была младенцем в подгузнике, испортившем в офисе воздух.

А ещё, Станислава Петровна считала, что оплачивать мне мой месяц работы – чистая благотворительность. Вообще-то она была права: я совершенно однозначно была не на своём месте, но уволить меня она не имела права, поскольку, как только в нашей фирме произошли кадровые сокращения, гендиректор положил вето на увольнение сотрудников без прямого согласования с ним. Чистка чисткой, но новых работников ещё не набрали, а плечи начальников отделов уже едва не прогнулись внутрь от двойной нагрузки. Мне свезло остаться в компании именно в тот промежуток времени, когда уволить меня не мог никто! И Станислава Петровна, делавшая за меня почти всю работу и относившая корреспонденцию зама своему начальнику каждое утро, ничего не могла с этим поделать.

На этом моя пресловутая удача заканчивалась...

Что ж, мне осталось продержаться очень недолго, и тогда я смогу преспокойно сообщить Станиславе, что за глаза зову её Станисом Баратеоном, смогу пройтись колесом по наше-

му офису, снося потоком воздуха все бумаги со столов, смогу выпить свой последний бесплатный капучино и свалить отсюда – от греха подальше. Говорят, сейчас набирался новый штат для дочерней компании холдинга, управлять которой будет сам отпрыск гендиректора, но подавать свои документы туда я не рискну. Смысл позориться? За эти три недели я не приобрела опыта работы и компетентной не стала, – о чём мне не забывает напоминать Станис Баратеон каждый божий день.

– Опаздываете, Мила Георгиевна, – ротик секретарши оскалился в подобии улыбки.

– Пробки, Станислава Петровна, – зажурчала в ответ я; села на своё место; включила компьютер; компьютер не включился.

Прикрываю глаза в надежде, что это происходит не со мной. Глупо. Больше тут подобных Властителей Удачи не наблюдается.

– Проблемы, Мила Георгиевна? – склоняет аккуратную головку Станис Баратеон.

– Компьютер сломался, – выдавливаю дежурную улыбку я.

– Почему я не удивлена? – поднимает идеально выщипанную бровь Станис.

– Потому что вы невероятно прозорливы, Станис... лава Петровна! – скажусь в ответ я.

– Все письма с электронной почты должны быть у Игоря Павловича через час, – мгновенно снимая маску доброжела-

тельности, резко сказала девушка, – Делай с компьютером что хочешь. В противном случае...

– В противном случае?.. – вежливо повторила за ней, ожидая продолжения.

Уволить она меня не может. Жаловаться начальнику не будет.

Своё место дороже.

– В противном случае до зарплаты ты не дотянешь. Сегодня совет директоров, – выдала свой козырь Станислава и, изящно развернувшись на своих ходулях, выплыла из моего кабинета.

Моего кабинета... Я устало перевожу взгляд на дверь начальника, Которого Нет... затем перевожу взгляд на стену напротив... и начинаю биться головой об стол.

– Ну, как, Милка? – Лена заглядывает ко мне, полная энтузиазма пообсуждать белобрысую стерву.

– Моя жизнь – тлен! – сообщаю ей очевидное.

– Чего случилось-то? – Лена прикрывает дверь в приёмную, проходит и кладёт руки на мой стол.

– Лен, а зачем ты вообще меня сюда притащила? – я решила излить на неё весь свой накопившийся яд, – Хотела поржать над тем, как я буду в телефон «Алло» вещать? На кой леший я тебе тут понадобилась? С какой стати ты начала рассказывать обо мне тому полудурку, который и сам кое-как сидел на своём кресле? И зачем я вообще на всё это согласилась?! Стыдно-то как! – я вновь упала головой на стол

и на некоторое время замерла без движения.

– Ну, во-первых, согласилась ты, потому что зарплата социальных работников составляет восемьдесят процентов от суммы за аренду жилья, – рассудительно начала Ленка; я с её доводом поспорить не могла, – А во-вторых... Мил, ну, тебе просто не повезло! Если б ты знала, как здесь весело было при Сашке! Он всех работников к себе расположил за полгода! Да он так ржал, когда я ему рассказала, как ты смешно интонировать голосом умеешь!

– И где он теперь, твой Сашка? – задала риторический вопрос я.

Лена тут же замолчала – ответить было нечего.

– Что Станис тебе сказала? – решила зайти с другого бока моя общительная и не в меру весёлая подруга.

Смотрю на неё, люблюсь весёлыми кудряшками черного цвета, завитыми назло бывшему и оставленными для поднятия настроения всему нашему этажу по просьбе общественности, разглядываю ярко голубые глаза, подведённые черным, пухлые губы на точёном лице...

– Тебе б моделью работать, Лен, – привычно протянула я, откидываясь на спинку кресла.

Лена показала мне язык, никак не комментируя сказанное. Этот этап пройден. К тому же, помимо хорошенькой внешности, у Лены была рабочая голова, так что она успела влиться в незнакомую ей работу, – приведённая в штат всё тем же Сашкой за холёную внешность, – и даже освоиться

на новом месте так, что теперь её вряд ли кто-то сможет уволить, хотя она такая же выпускница Педа, как и я...

– Что у тебя стряслось? – повторила Лена уже намного серьезней.

– Комп полетел, – я опустила голову, признавая очередное поражение от перста судьбы.

– Ну, ты неудачница, – закатила глаза подруга, и тут же достала свой телефон, набрала номер и чётко проговорила в трубку, – Компьютер. Да. У неё. Нет, не угадал. Прямо сейчас! – она убрала телефон и строго посмотрела на меня, – Тушь с век сотри – опять размазалась. И пиджак сними – на нём пятно от грязи.

Ресницы у меня сами по себе длинные, потому постоянно оставляют следы от туши под бровями, а пятно на пиджаке...

– Вот мудак!

– Кто? – нахмурилась Ленка.

– Да сынок гендиректора, кто ж ещё! – всплеснула руками я, снимая пиджак, – Хотя водитель мусоровоза тоже отличился...

– Милка, ты неудачница, – покачала головой подруга.

– Да я в курсе, можешь не повторять, – пробормотала я.

– Да нет, я не про пятна на одежде, – безнадёжно протянула та, прикрывая глаза ладонью.

Опускаю глаза на блузу и мычу от отчаяния. Прозрачная белая блузка и черный бюстгальтер без чашечек...

– Может, пиджак успеет высохнуть за пару минут? – смот-

рю на подругу с ожиданием, машинально подправляя макияж.

– Я застираю, – быстро говорит Ленка, подхватывая предмет одежды и направляясь к выходу, – Но не уверена, что он высохнет даже до обеда.

И она исчезает за дверью.

Смотрю ей вслед, думаю о вечном. Работу в наше время найти несложно, если ты не брезгуешь постоять за стойкой в KFC или поработать администратором в салоне красоты. Но если ты хочешь чего-то большего...

– Мир жесток, – вслух проговорила и встала со своего места.

Пока мой комп не вернут к жизни, я не смогу сделать ничего, так что смысла изображать усердную работу не было. Хвала всем неизвестным мне Богам, ремонтник пришёл быстро и тут же рванул к моему рабочему месту (должно быть, Ленка постаралась), не глядя на меня, а я... Я открыла кабинет зама и прошла внутрь. Здесь было не очень просторно, зато уютно. А ещё – здесь было огромное окно чуть не во всю стену, открывавшее вид на центр города. Руководитель отдела категорически отказался терпеть своего «зама» на одном этаже с собой, так что кабинет моего начальника находился этажом ниже. Я не раз думала о том, какие связи имел тот самый Сашка, что, будучи абсолютным раздолбаем, не имеющим понятия, что подразумевает его должность, он продержался на своём месте полгода, да ещё и занимал

отдельный кабинет в густо населённом здании нашей компании?..

И как мне так свезло, что я попала именно к нему? Как это возможно, что из всех мест, где я имела шанс устроиться, я застряла именно там, где мои знания социального работника на фиг никому не нужны? И эта юбка карандаш, эти туфли-монстры, эта причёсочка а-ля «я – деловая колбаса»... всё это настолько не моё, насколько солнце далеко от луны! Мой стиль – это джинсы, майки, кеды, бесформенные платья и творческий беспорядок на голове.

Кого я обманывала, когда решила остаться здесь до конца месяца? Могла же уйти вместе со своим бедовым начальством и забыть, как страшный сон, эту компанию и весь этот стиль жизни. Уйти и уже сто раз найти себе нормальную работу! В салоне красоты или на ресепшене в Тойоте... или...

Я простонала в голос, понимая, что однозначно родилась не в тот век! Бесплатное место в университете обеспечило моим родителям возможность зажить, наконец, для себя, в своей небольшой квартирке в пригороде, а конкретно моей маме – возможность не видеть меня целыми днями на той территории, которую она уже успела пометить, как свою собственную. Я же перебралась в большой город и жила в общежитии все пять лет своей учебы, затем закончила универ и сняла квартирку с подругой, которая уже в конце последнего года устроилась на какую-то странную работу «не по специальности» в престижной компании. Мы тогда так ржали над Лен-

кой! С таким дипломом и в офисные работники!

Ох, как мне было не до смеха, когда я оказалась со своим дипломом на улице без понятия, как прожить на те крохи, что зарабатывали люди моей профессии...

Я фыркнула, глядя на город внизу, и медленно достала все шпильки из своей шишки. Пора думать над сменой работы – закончить в срок я не успею, тут можно даже не гадать, а раз сегодня собрание директоров, значит, час Икс настал: именно в этот день и должны были «разморозить» все права начальников увольнять своих подчинённых по статьям и без; в этот самый день должны были принять все решения по смене кадров и замещении некомпетентных сотрудников. В этот день моя позиция становилась самой шаткой...

Не дожить мне до конца месяца на своём теплом месте.

Я не стала говорить Ленке об этом, – зачем расстраивать её раньше времени? Потому сейчас целенаправленно освобождала свою голову от лишнего железа. Можно смело полагать, что я здесь больше не работаю!

Расправляю рукой свои русые, с легким медным оттенком, волосы, чуть подвившиеся от тугой причёски; гляжу в большое окно. Не знаю, как выглядят сейчас мои серо-желтые глаза, – должно быть, в них отражается вселенская грусть. А может, они светят стервозным блеском, – как часто бывает в моменты, когда я закрываюсь от всего мира, про себя посылая его в адово пекло... Сгибаю больную ногу, стаскивая с неё туфлю с античеловечным, зато таким красивым

прозрачным каблуком, чуть прогибаюсь в пояснице, придерживаясь рукой за стену...

И именно в этот момент в кабинет заходят Они.

– А вот здесь будет располагаться... – незнакомый мне мужчина средних лет в очках быстро замолкает, оценивая картинку «она – гибкая лань», но рта так и не закрывает.

Стоящие позади него, мать их за ногу, директора нашего холдинга (!!!), с интересом разглядывают мою стройную ногу, всё ещё удерживаемую мной в воздухе рукой за каблук так и не снятой туфли...

Но хуже всего мне стало в тот момент, когда я встретила глазами с Ним.

Глеб Бондарёв – сын гендиректора нашего холдинга, высокий, красивый и холодный, как Антарктида, представитель золотой молодежи нашего города и обладатель самого идеального тела в этом здании. А в общем и целом – расчетливый сукин сын, владеющий в своём двадцати семилетнем возрасте внушительным пакетом акций и разъезжающий по городу на спортивном авто, забрызгавшем сегодня мои многотрадальные колготки. Его черные волосы были всклокочены, как всегда, в творческом беспорядке; холодные зелёные глаза смотрели пристально с лёгким презрением; идеальное тело (по слухам от девчонок из бухгалтерии) было спрятано под дорогими брюками темно-синего цвета и такой же дорогой рубашкой – белоснежной, как облака в раю. Эта самая рубашка была расстёгнута на пару верхних пуго-

виц, обнажая его золотистую загорелую кожу (должно быть, опять отдыхал на Кипре в своём домике у моря); пиджак был расстёгнут вовсе, как бы заявляя – мой хозяин может себе это позволить, в отличие от тебя!

Ставлю ногу на пол,правляю юбку медленным движением обеих ладоней.

За ладонями почему-то не следят – внимательно разглядывают чёрный лифчик без чашечек, проглядывающий через полупрозрачную блузу...

– Это кто? – спрашивает один из директоров.

Но мне не обидно – я его имени тоже не знаю. Так что у нас тут ничья.

– Очередная Сашина секретарша, – хриловатым низким голосом отвечает Глеб, тут же теряя ко мне интерес.

Хотя, какое там? Разве он был, интерес-то?

– Хорошо, что ты убрал его, отец, – заканчивает свою мысль Бондарёв младший и выходит из кабинета.

Чувствую себя оплётанной. Интересно, это ощущение передается через печатный текст?..

– Здесь мы потом закончим, – тут же включается замолкший, было, мужчина в очках, и вся честная компания выходит из кабинета моего бывшего зама, оставляя меня одну, медленно закипающую от очередного осознания своей неведучести.

– Боженька, за что мне всё это? – смотрю на потолок, жду ответа.

Ответа нет, – какая неожиданность.

– Милка... – Лена тихо прокрадывается в кабинет, озираясь назад, – Это что сейчас было?

– Это был крах моих последних надежд на место в нашей компании, – честно ответила я, всё-таки снимая злополучную туфлю со своей больной ноги.

Как только сняла, посмотрела на неё злыми-презлыми глазами и зашвырнула её за дверь кабинета.

Судя по звуку, она обо что-то ударилось... И, судя по звуку, обо что-то совсем не напоминавшее стену моей приёмной.

Лена медленно отходит от двери, ожидая худшего, – я её понимаю. Сама бы ждала от судьбы того самого «худшего», если бы не знала – хуже уже просто быть не может!

В кабинет моего начальника медленно входит Бондарёв младший, и я понимаю – может...

Мужчина держит в руках мою обувь и смотрит мне прямо в глаза, затем опускает свой взор на мою босую ногу.

– Это ваше, – без интонаций, абсолютно отстранённым голосом произносит он, словно разговаривает с призраком, затем ставит туфлю на пол и выходит, потирая свой затылок.

– Я – самая большая на свете неудачница! – прошептала спустя пару секунд.

– Я даже спорить с этим не буду, – соглашается подруга, глядя во все глаза на опустевший проход.

Весь оставшийся день прошёл под лозунгом «а смысл су-

етиться, когда мосты уже сожжены?». Хоть комп мне и починили, и, более того, я смогла в срок переслать все письма своего несуществующего начальника Станису Баратеону, – я четко понимала: всё это уже не имело значения. После того, как меня, в столь фривольном виде, смогла лицезреть вся верхушка нашей компании, терять мне уже было просто нечего: документы о моём увольнении либо уже подписаны, либо сейчас подписываются. Ленка смотрела на меня с такой грустью, что в конце дня даже я сама начала себя жалеть – хотя очень это не любила. В итоге, решила устроить самой себе прощальный вечер и заказала нашему курьеру, который тайно сох по Ленке, пронести к нам на этаж пару бутылок шампанского из магазина напротив здания. Увидев меня в прозрачной блузке, да с распущенными не по уставу волосами, да с ярко подведёнными (перестаралась, когда красилась после сеанса слезо-пускания в туалете) глазами, да с шальным взглядом, – курьер решил, что пары бутылок будет мало, а потом ещё намекнул, что он свободен и вообще, если мне будет одиноко темной ночью... ну, дальше я слушать не стала, просто похлопала его по плечу и отправила за алко-голем. Как-то так получилось, что весть о моей прощальной (уже) вечеринке разнеслась по всему этажу, и, уставшие от долгого трудового дня, коллеги решили, что провожать меня надо с музыкой и песнями, и вообще! Алкоголя надо больше! Так я узнала, что на одном уровне со мной, в помещении, разбитом на отсеки с кабинами, которые я всегда про

себя звала сотами, работали самые лучшие люди на свете! За три недели своего «секретарства», я не удосужилась познакомиться и с половиной из них... А как, оказывается, вкусно умеет готовить канапе из всего подряд менеджер Катя, с которой я даже словом не обмолвилась с момента прихода в компанию... А сколько готов выложить на «горячительное для дам» менеджер Слава, которого я даже в глаза не видела... Короче, как-то так получилось, что мой прощальный вечер перерос в шумную вечеринку на этаже, с караоке (неизвестно кем организованным), целым баром из алкогольных напитков и легкой закуской самого разного вида. Нет, я понимала, что в такой пирушке моей заслуги почти не было – всё дело было в нервах: многие из работающих на моём этаже, осознавали, что и их сокращение не за горами, а потому решили спустить пар. Тем более, охранники внизу были ребятами понимающими, а всё руководство уже покинуло здание, – и мы могли кутить столько, сколько хотели, ведь завтра была суббота!

В итоге, где-то к двенадцати ночи я стала замечать на этаже и вовсе незнакомых мне людей – это были друзья с других отделов компании, которых наш подвыпивший коллектив вызволил в бурный пятничный вечер! Пока я танцевала с бокалом шампанского в центре круга, успела заметить среди присутствующих даже помощника главного бухгалтера – всегда спокойного мужчину с тихим характером и одними числами на уме.

Всем нужен был отдых...

Когда быстрая композиция сменилась медленной и печальной, я вышла из своего импровизированного круга и двинулась к столику с закусками. Настроение было отличным, вечер явно удался – я смогла натанцеваться вдоволь и теперь с лёгкой улыбкой наблюдала за тем, как долговязый парень из отдела по продажам пытался подкатить к той самой Кате, что готовила канапешки, – приглашая её на танец. Смешные... Я опрокинула в себя содержимое бокала и двинулась, было, к дамской комнате, как вдруг наткнулась на взгляд холодных зелёных глаз.

Чёрт. Чёрт-чёрт-чёрт!

Начинаю пятиться к ай-паду с колонками, но Бондарёв младший, неизвестно какими силами сюда принесённый, медленно качает головой, давая понять, чтоб оставалась на месте. Своими холодными глазами он запрещает мне как-либо давать понять всем этим людям, что их застали с поличным... плохо... очень плохо...

Сын гендиректора обводит танцующих и веселящихся людей долгим взглядом, в котором не было ни грамма одобрения, зато был холодный расчёт – запомнить всех виновных в лицо, – разворачивается и скрывается из виду.

Ой, как плохо! Иду в туалет и останавливаюсь у раковины. Понятия не имею – что делать. Прекращать вечеринку в тот момент, когда всем так весело? Или дать им возможность отдохнуть, а потом уже сказать, кто почтил нас своим

присутствием?

В этот момент начинает вибрировать мой почти разрядившийся телефон, которым я не пользовалась весь день, дабы он не сдох не вовремя. Достая смартфон из-за пояса юбки, где его хранила во время танцев, смотрю на экран – номер незнакомый.

Отвечаю:

– Слушаю вас?..

Есть у меня такая привычка – отвечать именно так.

Кажется, мой голос произвёл впечатление на звонившего – это тоже часто происходило, я уже привыкла. Я понятия не имела, почему эти мурлыкающие интонации включаются у меня на полную катушку именно во время разговора по телефону! В жизни я старалась говорить проще... Но с собственным горлом, издающим эти звуки, сложно поспорить.

– Это Мила Георгиевна? – странно знакомый голос, который я сейчас почему-то никак не могла вспомнить – должно быть, из-за алкоголя в крови...

– Да, это я, – киваю своему собеседнику в трубке – а куда торопиться? – Чем я... могу вам помочь?

И в этот момент мой телефон отключается, решив, что его заряд и так продержался рекордно долго.

Глава 2. Он – монстр!

– Он – монстр! – со слезами на глазах сообщила мне Катя и выбежала через служебную дверь, минуя лифт, со всеми своими пожитками.

Смотрю ей вслед, тихо поскуливая про себя.

Воскресенье. Нерабочий день. Здание компании. Выселение.

Как ни странно, наша вечеринка закончилась сразу же после моего отхода в дамскую комнату – кто-то из сотрудников также заметил младшего Бондарёва и кинул клич на побег. За мной забежала раскрасневшаяся Ленка (опять с кем-то из наших романы крутила) и забрала меня домой. Отвёз нас очередной её поклонник.

Суббота проходила в спокойствии и полном осознании идиотизма своего поступка. Зачем я начала рыть себе яму, когда меня ещё никто не уволил?! Кто мне объяснит мой алогичный поступок?..

Однако, стресс. Но хуже стало в воскресенье утром, когда меня, как и многих работников нашего этажа, вызвонила личная помощница Глеба Самойловича (о, да, у него были еврейские корни), и сообщила, что мою персону вызывают в компанию... в нерабочий день. С коробками. Пустыми.

Вот тут шутки кончились. Мне стало реально плохо. Лен-

ка оказалась в списке тех счастливичков, которые были вызваны на ковёр, но остались в компании, получив выговор – она успела скинуть мне эту информацию по смс, в тот момент, когда я решала, что надеть на себя перед казнью. В итоге решила ещё денёк побыть вежливой и облачилась в очередную юбку карандаш и блузку – на этот раз, всё черное. Только туфли выбрала красные – чтоб гармонировали с пролитой (фигурально) кровью... Приехала в компанию, а там массовое выселение народа! Всех де юре увольняли по собственному желанию, а де факто – по взаимной договорённости не портить трудовую увольнением по статье. Это была тотальная чистка! И, глядя на то, сколько человек покидало свои рабочие места с вещами, я поняла одну страшную вещь – их бы всё равно уволили! Просто нашли бы другой повод! Этот этаж нужен был молодому боссу для своих целей. Каких – мне неизвестно. Смысл спрашивать? Мне сейчас лучше думать о том, как прожить до конца месяца и как платить за нашу с Ленкой квартиру?... И какую работу выбрать на ближайшее время...

Иду к своему рабочему месту – собирать свои манатки. Времени на это уходит немного, я здесь всего три недели. Краем глаза через открытую дверь вижу Ленку, тихо переговаривающуюся с каким-то своим коллегой, та замечает меня и хочет подойти, но вдруг останавливается.

Ко мне в приёмную заходит незнакомая девушка: брюнетка, с гладко убранными в сложную причёску волосами, в до-

рогом kostюме и с очень умными глазами.

– Мила Георгиевна? – спрашивает у меня эта фея в темно сером kostюме.

– Это я, – киваю болванчиком.

– Вас же просили пройти прямо к началству.

Помню, было такое, но я что-то так перепугалась, что решила просьбу проигнорировать.

– Идите за мной, – ну, вот! Ничего не спрашивают, решают за тебя – в этом все сильные мира сего.

Что делать? Плетусь за ней следом. Меня печальным взглядом провожают все сотрудники, оставшиеся на этаже... Лифт поднимает нас на сороковой этаж и плавно раскрывает свои дверцы... Вот это... интерьер...

Я с полуоткрытым ртом рассматриваю настоящие царские хоромы (на современный, конечно же, манер) своего начальства. Дерево, стекло, опять дерево, дорогие ковры на полу, – после нашей привычной серости и пластика появиться на сороковом этаже было сродни появлению во дворце...

– Глеб Самойлович ожидает вас, – сказала черноволосая нимфа, останавливаясь перед дверью в кабинет сына гендиректора.

Я стою. Идти никуда не хочется.

– Он вас ожидает, – как для душевно больной или глухой на ухо, повторяет девушка, слегка наклонившись ко мне.

Чувствую себя душой – расслышала её и в первый раз.

Иду на негнущихся ногах. За что мне всё это?

– А, Криг, – Глеб Самойлович смотрит на меня с холодом и лёгким презрением.

Не ново, проходили. Так что высоко поднимаю свою голову и смотрю на «босса». Да, моя фамилия Криг. Ещё вопросы?

Но мужчина не торопится продолжать – смотрит на меня испытующе, словно чего-то ожидая.

Приветствия, должно быть!

...

Моя кровь холодеет. Я забыла с ним поздороваться!

– Здравствуйте, Глеб Самойлович, – приветствую сына гендиректора, чуть склонив голову вниз.

Его лицо расплывается в довольной усмешке.

Усмешке?..

– Я же тебе говорил, – поворачивается к кому-то, кого я до сих пор не увидела, поскольку пребывала в состоянии легкого шока.

Перевожу взгляд на новое действующее лицо. Такой же красивый, как Глеб, только волосы вьющиеся, золотые, и глаза карие – словно в противовес светлым волосам. Загар у этого мужчины (или юноши? Они старше меня всего-то на четыре – пять лет! Оба!) такой же ровный и золотистый, как и у Глеба – делаю вывод, что отдыхали они вместе.

Представители меньшинств? Или просто друзья?

– Александр умел выбирать секретарш, – золотоволосый собеседник тоже улыбнулся, разглядывая меня с интере-

сом, – Скольких он сменил за полгода?

– Пятерых, – припомнил Глеб Самойлович и вновь посмотрел на меня, – Ну, и что же мне с тобой делать?

Я забываю, как дышать. То есть, у меня есть шанс задержаться? Хоть малюсенький? Да?!

На лице ни одной эмоции, борюсь с внутренними чувствами, как могу.

– Скажи что-нибудь ещё, – предложил Глеб... да просто Глеб! Буду я его отчество в своих мыслях выговаривать! Короче, предложил Глеб и сел на стол.

– Что именно? – интересуюсь спокойно.

На лице золотоволосого расплывается хитрейшая, но до жути довольная улыбка.

– Оставляй себе! Я тебе буду по нескольку раз звонить, чтоб её сексуальный голосок услышать.

– Не торопись, Макс, – качнул головой Глеб, – У меня есть Лина.

Девушка, провожавшая меня до кабинета Глеба, заглянула внутрь:

– Даже не думай, что я буду отвечать на все твои звонки. Сорок процентов из них – твои бывшие, у меня нет на них времени, – спокойно и чётко произнесла Лина и снова исчезла где-то в коридоре.

– Тем более! Пусть отвечает на звонки девчонок – так они быстрее от тебя отстанут, – усмехнулся Макс, – Поймут, что уже не конкурентоспособны.

Глеб сложил руки на груди и задумался, внимательно меня разглядывая, а я онемела... от их наглости.

– Ты уверен, что хочешь сидеть Там? – сын гендиректора, наконец, оторвался от лицезрения меня и посмотрел на Макса.

– Мы же уже всё обговорили – я наведу там порядок. И к концу месяца подготовлю экспериментальный проект, – золотоволосый юноша вновь посмотрел на меня, – А, может, ты её мне отдашь?..

– Вали к своим рабам, – отмахнулся от него Глеб и нажал на кнопку на столе; на столе с табличкой Лина Коломская.

– Иди сюда, нужно разобраться, – сказал через кнопку громкого вызова и вновь посмотрел на меня.

Пока неизвестный шёл к нам, Глеб вновь выпрямился и убрал руки в карманы дорогих брюк.

– Что ты умеешь? – спросил прямо.

– Ничего, – так же прямо ответила.

Смысла врать не было.

– Так и думал. Александр был болваном. Ему дали шанс, а он им не воспользовался, – жестко ответил Глеб, глядя мне прямо в глаза, – Скажи, ты способна на что-то, кроме сексуального «я вас слушаю» в трубку?

– Да, – процедила сквозь зубы.

Глупой я себя никогда не считала. Просто эта компания, эта профессия... это не моё.

– Тогда будешь работать на меня, – безапелляционно за-

явил сын гендиректора.

Я хотела, было, возразить, но была перебита абсолютно безжалостным:

– Или я твою трудовую просто уничтожу. Заодно – уволю твою подругу. Она осталась на испытательном сроке, а вашей выходки с прощальной вечеринкой хватит, чтобы поставить крест на какой-либо карьере в нашем бизнесе.

Меня мелко затрясло. И нет, не от страха. От злости.

– Можно мне вернуться вниз, к остальным... рабам? – выдавила из себя, опуская голову, чтобы не послать его прямо в глаза и на три буквы.

– Нет, теперь ты в моём рабстве, – холодно отрезал Глеб, да так, словно сообщать подобные новости было для него привычным делом.

– Глеб Самойлович, звали? – Лина, которую, как выяснилось, и вызывал мой новый босс, появилась в дверях.

– Ты отдала распоряжение очистить кабинет Егора?

– Да, – кивнула исполнительная Лина.

– Значит, готовься переезжать, ты перебираешься туда, – заявил ей этот монстр.

– Но, как же... – растерялась девушка.

– Как мой личный помощник, ты должна быть рядом, но теперь у тебя будет свой кабинет, а твоё место займёт Мила Георгиевна, – Глеб посмотрел на меня, затем перевёл взгляд на замолчавшую Лину, – А теперь внимай, солнце моё. Мила Георгиевна ни черта не умеет и будет обузой на твоих пле-

чах, и в твоих же интересах побыстрее ввести её в курс дела – как только ты подготовишь для меня новую помощницу, я отдам тебе кресло Егора. Детали сегодня согласую с отцом.

– Слушаюсь, Глеб Самойлович, – Лина смешливо отдала честь и посмотрела на меня совсем другим взглядом.

Испытующим. Зверским. Монстрячим.

За что мне всё это?

Нет, быть личной помощницей сына гендиректора, которому дали добро на кадровые перестановки в компании – это очень круто. Но кто сказал, что я хочу работать на это чудовище?!

– А... – протянула вслух.

– Мне плевать на твои мысли, желания и доводы, – обрубил моё начинание Глеб, – Я планирую сделать эту компанию своей. Во всех смыслах. Я планирую посадить на важные места своих людей. Планирую запустить свои личные проекты. И планирую заработать много денег. Твоя функция в этом механизме – делать всё, что я от тебя потребую. Абсолютно всё. Это ясно?

Интересно, знает ли его отец, какого монстра он привёл в эту святую обитель?.. И какие у этого монстра планы на эту компанию и на этот город?

Под пристальным взглядом зелёных глаз приходится кивнуть.

– Значит, мы друг друга поняли. Можешь начинать прямо сейчас. Я не люблю, когда меня подводят, – сказал Глеб и

прошёл в свой кабинет, хлопнув дверью.

Аудиенция была закончена.

– Как он может доверять такую важную должность незнакомому человеку? – негромко спросила я, обращаясь, по сути, к воздуху.

– Почему «незнакомому»? – удивилась Лина, – Он тщательно выбирал вас из многих работников компании, – она прошла к своему столу и навела курсор на какой-то документ на экране, – Мила Георгиевна Криг, возраст – двадцать два года, знак зодиака – скорпион; высшее образование, специалист в социальной сфере; работает в компании три недели и один день, занимает должность секретаря заместителя руководителя отдела по связям с общественностью. Снимает квартиру с подружкой по университету в южном районе города... – она все продолжала и продолжала говорить, поражая меня знанием моей подноготной, вплоть до цены за арендуемое жильё и денежного остатка на банковской карте. Так же эта черноволосая фея-людоедка не забыла напомнить, что положение моей подружки также шатко, как и моё, и, лишись мы обе работы, с квартиры придётся съехать. И вообще, стоит ли жить в таком большом городе, когда твоё резюме перечеркнуто рукой Глеба Самойловича?

Я стояла ни жива, ни мертва. Так вот почему он выбрал именно меня...

Потому что после него мне идти будет некуда – он знал, что я просто не смогу отказаться.

– Вы же понимаете, что это... неправильно? – спросила едва слышно, не глядя на личного помощника.

– Это абсолютно нормально, – не согласилась Лина, затем как-то странно улыбнулась, – Ты сама-то поняла, где оказалась? Это не просто компания. Это собственность семьи Бондарёвых. Здесь они – цари и боги. Не хочешь проблем – следуй их приказам.

– А если не хочу следовать? – устало смотрю на неё.

– Тебя здесь сожрут, – прямо ответила Лина, глядя мне в глаза; затем отклонилась на спинку стула и сказала уже другим тоном, – А теперь иди сюда, буду объяснять суть работы...

Если можно выразить в трёх словах всё, что происходило со мной с того самого момента, – это был ад. Хуже всех, наверное, было Лине – ей приходилось исполнять обязанности личной помощницы, а заодно обучать меня всему, что она сама умеет. И если с расписанием шефа на день я ещё как-то справлялась, то отчёты вызывали у меня суеверный страх, и я тряслась, как в лихорадке, когда Лина по сто раз объясняла мне, что и откуда приходит, и как нужно Это проверять. Мне кажется, черноволосая помощница Глеба уже прокляла меня и заказала с десятков кукол вуду, чтобы иметь возможность сорвать злость и уничтожить меня без всяких улик и последствий. Я её могла понять. Но вот то упорство, с которым она раз за разом объясняла мне базовые вещи, про-

глатывая своё раздражение и не показывая мне, что она на самом деле испытывает, было искренне непонятно. Неужели кресло какого-то неведомого Егора – такой ценный приз в этой лотерее? В любом случае, упускать свой шанс Лина не собиралась, потому усердно погружала меня в мир доходов, чисел, дат... Дошло до того, что последние две недели я просто ночевала дома, даже не успевая позавтракать или поужинать, а на работу меня забирал служебный автомобиль, чтобы я не тратила драгоценное время на езду в автобусе. Моя жизнь превратилась в скоростной забег в мир бизнеса с главным экзаменом – в конце месяца. И мой экзаменатор, такая же измученная и усталая Лина, должна была прогнать меня по всем пунктам с вынесением вердикта: годна или нет.

В тот день мне впервые дали выспаться, чтобы моя голова была способна генерировать мысль, а не механически повторять всё за наставницей. Я поднялась с кровати в семь утра (вместо привычных пяти) и поплелась в душ; когда выбралась оттуда, впервые за долгое время задержала взгляд на зеркале... Моё отражение меня не радовало: теперь моими скулами можно было пораниться... глаза словно запали и выглядели ещё более усталыми из-за потемневшей кожи вокруг век, да я выглядела как дочурка из семейки Адамс! Губы все обветрились – я слишком часто их облизывала, забывая увлажнять, и теперь они представляли собой жалкое зрелище. Кожа на лице пересушена и явно нуждалась в увлажнении... Чёрт. Я вообще следила за собой все эти дни?.. неде-

ли?.. месяцы?.. А какое сейчас число?!

Выхожу из ванной, смотрю на телефон – пятое ноября! Пятое ноября!!!

Я, как была, села на стул и застыла. Он не просто монстр, он – чудовище! Пытаюсь вспомнить, когда видела своего шефа в последний раз, и ничего не выходит. Я просто не отрывала головы от компьютера, я даже ела перед этим адовым устройством, под присмотром Лины – чтобы не терять ни секунды.

По всему выходило, что свою зарплату я уже получила и даже приближаюсь ко второй выплате. Это хорошо. Можно обдумывать план побега.

Сижу, размышляю. Смысла бежать сейчас уже не вижу. Если я смогу отстоять свою честь на сегодняшнем экзамене, то моя работа уже не будет вызывать ужаса при одной только мысли о ней – напротив, я человек азартный, и мне уже сейчас интересно, как я справлюсь с должностью личного помощника сына гендиректора! Интересно, а должность-то у него какая?..

Теперь сижу, вспоминаю должность Глеба. По всему выходит, что я так и не узнала об этом, ведь на табличке на двери были только его фамилия и инициалы. Надо выяснить. И в порядок себя привести – а не то в зеркало смотреть страшно.

Хороший слой увлажняющего крема на лицо, затем слой тонального крема, сверху легкая пудра – сегодня я только так

смогу замаскировать свои синяки под глазами. Корректором отродясь не пользовалась, но, чую, придётся... Глаза подвела черным, на веки нанесла тени, на ресницы – тушь. Чуть подкрасила брови – взгляд от этого мгновенно изменился, стал более уверенным, вызывающим. Смотрю на отражение и решаюсь... Красная помада использовалась мной только в крайнем случае – к примеру, во время похода в клуб, – но сегодня я ощутила потребность выглядеть не просто хорошо. Своим видом я хотела бросить вызов всему сороковому этажу с шефом во главе. И будь, что будет!

Убираю помаду обратно в косметичку и наношу питательный блеск. Покорять всех своей неземной красотой не решаюсь – тупо боюсь реакции шефа.

Волосы убираю в высокий хвост, надеваю черное, облегающее исхудавшую фигуру платье-футляр, на ноги – ботильоны на каблучке. Смс о прибытии машины уже пришло, так что накидываю сверху пальто и выбираюсь в заснеженный город.

Как только я добралась до нашей с Линой приёмной, девушка тут же вручила мне пачку листов с вопросами и файл с отчётами с других этажей, и заставила садиться за них без лишних приветствий... Время шло, а я усердно выполняла свою работу, не забывая сверяться с шаблонами, предоставленными личной помощницей шефа. Ровно в двенадцать дня Лина забрала все бумаги и согнала меня с кресла, чтобы проверить информацию на компьютере. Стою, жду.

Наконец, она поднимает на меня глаза и спрашивает очень странным голосом:

– Как сама думаешь, справилась идеально?

– Я – гуманитарий, – ответила честно, – Так что не жду от себя внезапно объявившихся талантов в этом деле.

Лина опустила взгляд на таблицы и постучала ручкой по столу.

– Я не смогу проверять всю твою работу, – сказала через небольшую паузу, – так что ты ДОЛЖНА проявить талант и справиться со всей нагрузкой.

Я молча стою, смотрю на неё.

Лина медленно выдохнула, затем махнула рукой, чтобы я приблизилась:

– Вот здесь, здесь и здесь. Сама видишь? Это недопустимые ошибки, потому что связаны с твоей невнимательностью. Ты же всё правильно ввела, но вот тут ошиблась, – она ткнула мне ещё в пару мест, а я стояла и тихо кивала.

Действительно, глупые ошибки.

На моих губах сама собой начала расплзаться улыбка.

В одном месте случайно нажала капслок, во втором допустила пробел между числами, в третьем – фамилию написала с маленькой буквы.

Да я просто гений таблиц и отчётов!

На лице Лины тоже начинает появляться улыбка – её приз на этом соревновании оправдывал все усилия.

– Добро пожаловать в компанию, Мила Георгиевна, –

брюнетка поднялась с уже МОЕГО места и протянула мне руку.

– С повышением, Лина... – я с вопросом смотрю на неё, ожидая, когда она назовёт своё отчество.

– Просто Лина, – усмехнулась та.

– Просто Мила, – кивнула я, пожимая руку в ответ.

Мы обменялись понимающими ухмылками. Затем её лицо резко переменилось, возвращая себе маску холодного равнодушия:

– По мелким вопросам меня не беспокой, только если дело касается совета директоров или личных встреч с партнёрами по бизнесу; Глеб тебя замучает с походами на различные пафосные мероприятия – отказаться не получится, так что советую в ближайшее время обзавестись парой тройкой платьев на выход. С завтрашнего дня можешь просить премию, потому что на необходимые брендовые шмотки твоей зарплаты стажёрки – а ты сейчас стажировешься, даже не надейся на большее – просто не хватит. Следующее: два раза в день ему названивает Татьяна, одна из его бывших, дочь одного из акционеров компании – с ней нужно разговаривать вежливо и каждый раз придумывать вескую причину отсутствия шефа на месте или отсутствия у него какой-либо возможности оторваться от дел. Всех остальных можешь посылать смело.

– Посылать смело? – переспрашиваю в шоке.

– Отказывать в просьбе связаться с Глебом Самойлови-

чем, – пояснила Лина.

– Но тогда они возненавидят меня, а не босса, – нахмурилась я.

– Привыкай. Ненавидеть тебя будут все, с кем ты будешь разговаривать. Характер шефа быстро научит тебя закрывать глаза на этику и какие-либо моральные принципы – сюсюкаться со всеми просителями, которые будут пробиваться в его офис ты просто физически не сможешь. Так или иначе сорвёшься на каком-нибудь бедолаге. Мой тебе совет: если Глеб Самойлович сказал отказывать без объяснения причины – отказывай без объяснения причины. И не извиняйся – шеф этого просто не выносит.

– Но это же... – начала, было, я.

– Это стиль общения семьи Бондарёвых, – отрезала Лина, – Правда, старший чуть помягче – возраст сказывается.

– Что-нибудь ещё? – спрашиваю с лёгкой безнадёгой.

– Не позволяй Глебу Самойловичу много пить, – чётко проговорила брюнетка.

– В смысле? – я даже хмыкнула от изумления, – Как ты себе это представляешь?

– Просто забирай бокалы, – дернула плечом Лина, затем окинула меня придирчивым взглядом и выдала вердикт, – Поверь, с версией «шеф подшофе» ты не справишься.

– А что, он буйный? – я подняла брови.

– Просто. Не допускай, – медленно и с расстановкой произнесла Лина.

– Хорошо, – я кивнула, но про себя всё же удивилась: не могу представить себе, чтобы мы с Глебом воевали за бокал вина на каком-нибудь вечере... – последнее напутствие?

– Купи успокоительное, – глядя на меня с выражением подавленной жизни женщины, сказала Лина, – В первые месяцы оно особенно пригодится. И, когда пойдёшь закупаться косметикой – можешь позвать меня с собой.

– Зачем? – вновь искренне удивилась я.

Вроде как приятно, что она предлагает компанию, но всё-таки любопытно. Не от отсутствия же подруг она это делает!

– Лицо у тебя всегда должно выглядеть свежим, – уверенно произнесла та, – Придётся потратиться и купить хорошую косметику. Сегодня ты себя заштукатурила, шеф оценит, но, такие, как я, увидят, что ты мажешься дешёвкой. В твоей косметичке должно лежать всё самое лучшее, ты поняла? Ты – лицо шефа, его визитная карточка. Он будет тобой хвастаться, если ему того захочется, а ты будешь всем улыбаться и делать вид, что ты – недосыгаема для простых смертных. Личико у тебя милое, так что оденься, накрасься – и будешь выглядеть, как человек. И, да! Смени духи. Эти слишком...

– Дешёвые? – подсказала я, уже даже не обижаясь на её прямоту.

Напротив, я уверена, что она действительно даёт дельные советы.

– Сладкие, – поморщилась Лина, – И резкие. Шеф не любит такие ароматы. Тебе повезло, что он сейчас на встрече

и вернётся только после обеда – как раз запах успеет развеяться. Но вообще – лучше открой окно или включи кондиционер.

И с этими словами бывшая помощница монстра по имени Глеб Бондарёв вышла из приёмной.

Но тут же вернулась, как по мановению волшебной палочки:

– На всякий случай запиши мой телефон, – она продиктовала номер и удовлетворённо кивнула, когда я сделала дозвон, но тут же предупредила, – По всяким глупостям не звонить! Только если ситуация экстремальная.

– Хорошо, – кивнула прилежно, записывая её в контакты, как «Фея Лина»; затем подняла на неё глаза и спросила уже серьёзно, – Скажи, когда мне не нужно будет переживать об увольнении Лены?

– Лены-Лены-Лены... – Лина нахмурилась, словно вспоминая, о ком я, – Ах, твоей подружки с этажа? Стань незаменимой для Глеба Самойловича, и о сокращениях можешь не переживать. В данный момент твоё положение крайне шаткое – сама понимаешь.

– Почему я? – вновь задала сильно интересовавший меня вопрос, – Почему из всех сотрудников компании он выбрал именно меня?

– Тебе дали шанс, который не многим в жизни достаётся... Пораскинь мозгами, почему он выбрал в помощницы ту, что не имеет стажа в этой компании, – чуть тише, слов-

но боясь, что её услышат, сказала Лина, взгляд которой стал таким же серьёзным, – Ты вроде не глупая девочка. Должна была уже догадаться.

Я кивнула.

Я не была подчинённой Его отца. И я не стану докладывать о деятельности сына кому бы то ни было – в этом здании и в моём положении у меня был только один начальник.

Зеленоглазый тиран по имени Глеб Бондарёв.

И, что самое страшное, он был единственным, кто способен был гарантировать мне место в компании.

– Иногда ты обращаешься к шефу по имени, – припомнила я... мне было жизненно необходимо получить доказательства, что сын гендиректора – не чистокровный монстр, и ему не было чуждо всё человеческое, – Вы так сблизились во время работы?

– Я зову его на «ты» только потому, что мы росли вместе, – обломала меня в лучших надеждах Лина, – Наши родители знакомы, потому периодически я нарушаю субординацию. Но тебя это никоим образом не касается: для тебя шеф – Глеб Самойлович и никак иначе! – она бросила взгляд на милые наручные часики и тут же заторопилась, – Всё! Дальше разбирайся сама! А у меня ещё целая куча дел, скопившаяся за время твоего обучения!

И она вылетела из приёмной, оставив после себя шлейф от приятных дорогих духов.

Духи...

Я тут же метнулась к пульту и включила кондиционер на полную мощность. Затем протёрла шею бумажным платком. Вот ведь... придиричivéые! А ведь это достаточно известная марка класса люкс – подарок от бывшего, о котором я даже вспоминать не хотела.

Я опустилась в кресло, сверилась с расписанием своего шефа на день, поняла, что у меня есть тридцать минут свободного времени, и уже сделала шаг в сторону двери – как приёмную огласил звук звонящего телефона.

Ага, Лина перенаправила все звонки обратно на мой аппарат... Во время моего обучения, она сделала переадресацию на свой телефон, чтобы резкие звуки не мешали моей концентрации, – но теперь, когда я была официально признана дееспособной, моя обязанность отвечать на телефонные звонки была разблокирована.

Беру трубку, внутренне собираюсь и произношу уверенно:

– Добрый день, приёмная Глеба Бондарёва, слушаю вас?

На некоторое время на противоположном конце провода взяли паузу.

– Добрый день, – ответил женский голос; слегка озадаченный женский голос, – а... вы кто?

Вопрос странный, потому ухожу в размышления.

– Новая помощница Глеба Самойловича? – предполагаю вслух.

– А что с Линой? – чуть более уверенный вопрос.

– Переведена на другую должность, – мучаясь от незнания – могу ли я распространяться о подобной информации – осторожно ответила я.

– Глеб у себя? – ещё более уверенно спрашивает голос.

– В данный момент Глеб Самойлович на встрече. На важной встрече, – вспоминая указания от Лины, на всякий случай уточняю я.

– А... – глубокомысленно протянули на другом конце провода, – Передайте ему, что звонила Таня.

– Обязательно передам, – вежливо отозвалась я, радуясь окончанию разговора.

– А вас как зовут?... – напряжённо уточнила девушка, когда я уже готова была положить трубку.

Подношу агрегат обратно к уху.

– Мила, – ещё более осторожно представляюсь я, – Вы ещё что-то хотели, Татьяна?

– Передайте Глебу, чтобы он мне перезвонил. Срочно, – тоном, не терпящим возражений, ответила Татьяна и положила трубку.

М-да... Первый блин, как говорится.

В следующий раз буду отвечать увереннее.

И, довольная жизнью и возможностью нормально отобедать в кафетерии для служащих компании, я вышла из кабинета, громко цокая каблучками в сторону лифта.

На четырнадцатом этаже было столпотворение – все хотели успеть поест за час, выделенный для поглощения пищи,

а потому не стеснялись проявлять всё самое худшее в себе. И теперь этаж больше напоминал осиный улей...

Я выстояла очередь, взяла свою еду и пошла искать свободный столик; на всё это у меня ушло двадцать пять минут, и я уже тихо ненавидела всех работников компании, а также всех директоров и управляющих, которые выделили на приём пищи всего один час!

Свободных столиков не было, и я с какой-то безнадёгой начала озираться по сторонам: весь этот месяц я обедала в приёмной, и исключительно тем, что приносила Лина, – а сейчас искренне недоумевала, что случилось с работниками компании? Откуда эта агрессия? Откуда вообще столько желающих перекусить именно здесь?..

– Милка, ты? – окликнул меня знакомый голос, и я с облегчением пошла в сторону столика Лены.

– Ну, Мила Георгиевна, вас не узнать! – удивленно протянул симпатичный менеджер Иван, сидящий рядом с моей подругой.

– Благодарю, – коротко кивнула; не буду уточнять – было ли это комплиментом, не до этого сейчас, – Что со всеми такое? – негромко спросила у Ленки, недовольно косящейся на своего менеджера.

– Ты о чём? – подруга оторвалась от своей новой пассии и посмотрела на меня; мой внешний вид она проигнорировала, решив не уподобляться кавалеру, хотя лёгкое удивление во взгляде было мной идентифицировано – в момент «узна-

вания».

– В этой кафешке никогда не было столько народа, – заметила очевидное, начиная быстро поглощать еду – на обед оставались жалкие минуты.

– А... ты же не знаешь, – Лена покивала, ковыряясь вилок в салате, – Это всё новый босс. Максим Леонидович. Он очень строг в вопросах дисциплины, и опоздания на дух не переносит.

Я мельком посмотрела на свою подругу. Почему у меня ощущение, что она словно стену выставила? Дома мы просто не успевали разговаривать, обходясь односложными фразами, и это был первый раз, когда я смогла спуститься к ней и поговорить... как раньше.

Но Лена была явно не в восторге от моего общества. Или от того, как менеджер Иван внимательно меня разглядывал.

– Кучерявый блондин с отличным загаром? – на всякий случай уточнила я, решив попытаться поддержать диалог.

– С загаром? – Лена нахмурилась, – А, да! Был загар, когда он пришёл. Но за месяц начальник заметно побледнел, – она фыркнула, вновь нырнув взглядом в салат.

Точно. Прошел месяц...

Чёрт, чувствую себя так, словно только вышла из комы, оказавшись в недалёком будущем, правила которого мне ещё были не известны... Быстро допиваю сок и встаю из-за стола. У меня нет времени разбираться, что творится с людьми, – сейчас главное успеть на своё рабочее место вовремя.

– Слушай, Лен, давай сегодня вырвемся куда-нибудь. Посидим, поговорим обо всём... – предложила перед уходом, – Ты мне всё расскажешь: и про начальника, и про новые порядки.

– А тебе уже бежать надо? – понятливо кивнула Лена, в голосе которой я услышала странное облегчение.

– Да, у меня осталось полторы минуты на то, чтоб до приёмной добраться, – я криво улыбнулась, – Ну, что, как тебе моя идея?

– Хорошо. Я позвоню тебе, как рабочий день закончится, – ответила та; я кивнула и направилась прочь из кафетерия.

Это было неожиданно. Она даже не спросила, как прошёл мой экзамен! Не поинтересовалась, как дела... Я недоверчиво оглянулась на Ленку, но та уже о чём-то увлеченно болтала с Иваном. Я понимаю, что мой приход, возможно, стал для неё сюрпризом – всё-таки отвыкла за месяц, – но так откровенно игнорировать моё присутствие? Словно мы были чужими...

Лифт умчал меня на сороковой этаж и привычно раскрыл дверцы; я ускорила, пересекая коридор, и быстро вошла в приёмную. Так... запах. Нюхаю воздух – вроде бы всё нормально, никаких резких ароматов. Жаль, что себя понюхать не могу... Выключаю кондиционер. Дальше – зеркало. Проверяю макияж, поправляю причёску. Уже издали слышу, как лифт вновь открывает дверцы... Идёт! Бросаю зеркало

в сумочку, поправляю платье, кидаю беглый взгляд на стол – там ничего лишнего. Всё. Я готова!

Бондарёв младший входит в приёмную и резко останавливается, внимательно глядя на меня.

– Добрый день, Глеб Самойлович, – приветствую его с дежурной улыбкой на губах.

Шеф разглядывает меня так пристально, словно пытается просканировать на наличие дефектов.

– Мила Георгиевна, – брнет тоже скривил губы в подобии улыбки, – Как первый рабочий день?

Э... он имел ввиду «первый обед в качестве его личной помощницы»? Плохо. Но говорить об этом вслух я не буду. Естественно. Я ж не самоубийца.

– Вам звонила Татьяна, – я решила не тратить время на описание своих ощущений и сразу перешла к делу, – Просила перезвонить. Срочно.

– Она всегда об этом просит, – сухо ответил Глеб.

О-кей...

В следующий раз учтём; вот только я не поняла, мне вообще нужно передавать ему эту информацию? Или подобные звонки теперь – чисто моё развлечение?

Секундочку!

Я напрягаюсь. А его показное недовольство случаем не связано с моим нежеланием отвечать на его вопрос?..

Кое-как справляюсь с желанием позвонить Лине и уточнить, насколько правдивыми должны быть ответы в случае

вопросов личного характера.

Нет, у меня всё получится!

– Через полчаса у вас встреча с... – начала, было, снова, как была перебита:

– Отменяй, – на лице Глеба появилось какое-то странное выражение, словно он вспомнил о чём-то неприятном.

– Глеб Самойлович? – я склонила голову, ожидая продолжения.

– Сегодня её день рождения, – сжав челюсть и отвернув голову, поделился брюнет; хотя «поделился» – это я, конечно, преувеличиваю... поговорил сам с собой – так будет вернее.

Прокручиваю в памяти весь список запланированных дел на сегодняшний день – никакого упоминания о походе на подобное мероприятие там нет.

Имею ли я право сказать об этом шефу?

– Вы должны присутствовать? – уточняю на всякий случай.

Зеленоглазый брюнет посмотрел на меня с холодным презрением.

– Запомните, Мила Георгиевна, – очень неприятным голосом сказал он, – Я никому и ничего не должен. Запишите это в своём блокноте или сделайте пометку на стикере – чтобы впредь не задавать idiotских вопросов.

Хамло.

И, самое обидное, я понимаю, что он злится не на меня, а

на свою бывшую подружку, на дне рождения которой он по какой-то причине должен присутствовать... но говнецо-то льётся на мою голову!

Так, об этом Лина предупреждала. Броня в таких случаях должна быть непробиваемой.

– Отменить все встречи? – спокойно спрашиваю, подходя к столу и открывая файл с расписанием.

– Да, – как-то резко кивнул брюнет, а затем окинул меня придиричивым взглядом, – Ты когда-нибудь была на приёмах губернатора?

Пропускаю его «ты» мимо ушей, отвечаю односложно:

– Нет.

– Плохо, – Глеб Самойлович разворачивается на сто восемьдесят градусов и скрывается в своём кабинете.

Срочно звонить Лине!

Судорожно набираю её номер, быстро пересказываю проблему – черноволосая фея появляется в приёмной через тридцать секунд.

– Он у себя? – нервно шепчет она, тут же подходя к моему столу.

– Да, – киваю, с опаской поглядывая на дверь, – что происходит?..

– Татьяна – двоюродная племянница губернатора. Все её дни рождения проходят в рамках благотворительных вечеров со сбором средств для детей-инвалидов. У меня из головы вылетело, какой сегодня день, – Лина прикусила губу

и бросила быстрый взгляд на кабинет шефа; затем серьёзно посмотрела на меня, – Он точно спросил, была ли ты у губернатора?

Затравленно киваю.

– Чёрт... – выругалась та и, быстро поправив свой костюм, прогарцевала к двери Глеба; осторожно постучалась, дождалась ответа, скрылась в кабинете... вышла через тридцать секунд, – Быстро одевайся, буду ждать тебя внизу.

– Что происходит? – повторяю уже с лёгкой паникой.

– Сегодня твой первый выход в свет. Ура, – сухо объявила Лина, – Так что с милостивого позволения шефа, мы идём делать из тебя человека. Не забудь скопировать все данные о запланированных встречах – пока будем ехать в машине, всех обзвонишь и всё отменишь. Пока у тебя недостаточно средств для удовлетворения «чувства прекрасного» у высшего света нашего города, я оплачу твои покупки – вернёшь мне с первой же премии.

– Спасибо, – одними губами ответила я, и Лина тут же скрылась в коридоре, торопясь за своими вещами.

Выполнив все задания, мчусь на лифте вниз, нервно размышляя о том, как резко изменилась моя жизнь. Идти на приём у губернатора желания нет... вообще. А всё из-за того, как резко испортилось настроение шефа, когда он вспомнил об этом чертовом дне рождения Татьяны! И почему Лина не предупредила меня об этом? Я должна быть в курсе таких важных мероприятий!

Внизу брюнетка подхватывает меня под локоток и утаскивает к подземной парковке. Свой вопрос я смогла задать только тогда, когда черный тонированный лексус вместе с нами обеими на борту выехал со стоянки на дорогу.

– Ты и не должна была помнить об этом дне – так что не переживай. Ругать он тебя не будет, – успокоила меня Лина.

Ну, это смотря что подразумевать под словом «ругать»: погнобили меня сегодня знатно – испытывать подобное ещё когда-либо желания не имею.

– Я знаю об этом только потому, что Глеб брал меня на приём в позапрошлом году, – продолжила фея, – Лучше начинай обзванивать всех визитёров! Иначе испытаешь на себе, что такое Бондарёв младший в гневе: он очень не любит не исполнительность...

Тут же хватаю свой телефон и блокнот вместе с предусмотрительно записанными контактами. Хорошо, что я подстраховалась! Следующие три часа проходят, как в тумане. Единственное, о чём я могла думать, это о том, какие цифры написаны на ценниках платьев, которые я примеряла по требованию Лины. Откуда эти цены!?! У нас же в стране кризис!!! Кто вообще в здравом уме купит платье за двести тысяч рублей?! А туфли? Это же не туфли, а моя зарплата за целый месяц! Я не буду это надевать! Так и заявила Лине! Но под красноречивым взглядом сдулась...

Моё «буду» и «не буду» здесь никого не волнует. Как и моё неопределённое будущее, в котором я должна буду от-

дать фее из своего кармана сумму с пятью нулями.

Уже с какой-то тоской начинаю думать о кредите, а эта ненормальная тащит меня дальше! В салон красоты, где прайс лист убивает последнюю надежду уволиться через пару месяцев из этой адовой компании! Да мне придётся год работать только для того, чтоб с долгами расплатиться! Это, не говоря о том, что ещё и жить на что-то нужно будет! И за квартиру платить!

Тихо ненавижу Бондарёва и его Татьяну. Ненавижу губернатора и его особняк. Ненавижу всех, кого там встречу. Заранее.

Даже удивление от собственного отражения в зеркале не затмевает моей ненависти к высшему свету нашего славного города. Да, я гуманитарий и социальный работник, но это не значит, что я – человеколюб.

В данный момент я искренне желала, чтобы этот чертов приём не состоялся, и я смогла бы тихо пойти и сдать все покупки обратно в магазины... С салоном, конечно, так не получится – тут уж придётся влезть в долг и возвращать Лине деньги, но хотя бы посильную сумму! И всё равно уволюсь – терять мне уже нечего. Деньги на карте есть, первое время протяну; о Лене заботится смысла уже не вижу – она сегодня показала, что думает о моём повышении, причём достаточно откровенно. Так что помашу ручкой Глебу Бондарёву и пойду батрачить по специальности – уж там –то он не в силах закрыть передо мной двери. Не та зона влияния. В соц.сфе-

ре на Глеба Бондарёва всем глубоко наплевать! Как и на его связи. Надеюсь.

Чёрт...

– Так, Мила! Чего застыла перед зеркалом! – прикрикнула фея, – Бегом в машину, нам ещё в одно место заехать надо! А потом – ко мне домой, готовится к выходу! Глеб Самойлович заберёт тебя от меня – я его уже предупредила.

Иду... Сколько же в ней жизненных сил! И сколько бабла на её карте...

Мысль о деньгах снова вводит меня в уныние, а мы уже мчимся на всех порах в торговый центр – Лина решила, что мою косметичку нужно обновлять прямо сейчас. Могу её понять. Я своей косметикой тоже не люблю делиться, – но почему нельзя было повременить хотя бы с этой тратой?! Я итак теперь в долгах, как в шелках, и попала в абсолютную зависимость от шефа и от работы – а она по новому кругу начинает...

Погрузившись в глубокую депрессию, я уже воспринимала всё, как данность. Хуже, чем сейчас, быть просто не могло: потому смысла тратить свои нервные клетки на ситуацию, изменить которую я уже не могла, – я не видела. И тихо ушла в себя с мыслью, что я – самая большая неудачница в мире.

Вернулась в реальность только в квартире Лины (двухэтажные апартаменты в центре, со смелой планировкой и неожиданным дизайнерским решением – пространство было

решено в стиле футуризма, с абсолютным отсутствием привычных мне предметов мебели и быта, отвечающих за само понятие «домашний уют»), перед зеркалом в полный рост, который отражал совсем даже не меня, а какую-то незнакомую мне, ухоженную девушку в невероятно красивом платье в пол цвета «шампань» с красивой вышивкой, украшенной кристаллами Сваровски, с убранными в сложную причёску волосами, спускавшимися на правое плечо тяжелыми локонами, с большими, яркими глазами, умело увеличенными косметикой, и с утонченными чертами лица (тут уже моя внезапная худоба сказала).

Звонок в домофон заставил нас обеих подпрыгнуть – и меня, и девушку в отражении, и с паникой в глазах посмотреть на хозяйку странной квартиры.

– Возьми вот это, – фея накинула на меня стильный плащ черного цвета, почти скрывший платье своей длиной, – Вернись завтра. И не забывай! Глебу нельзя пить! А он будет стремиться – Таню он на дух не переносит, – напутствовала та на прощание, провожая меня к двери.

– Что у них произошло? – удивилась я, натягивая новенькие туфли.

– Ты серьёзно? – Лина даже бровь подняла, – Я тебе что, всевидящее око? Или на Вангу похожа?

– Нет, ты похожа на фею, – пришлось признаться мне; на коварную фею, погрузившую меня в долговую яму и вынудившую ещё, как минимум, год батрачить на злобного прин-

ца.

– Не потеряй свои Manolo Vlahnik, Золушка, – фыркнула Лина и вытолкнула меня из своей квартиры.

Я спустилась вниз на лифте, вышла на улицу и тут же нырнула в салон дорогой машины. Осторожно посмотрела на шефа. Разглядеть что-либо в темноте салона сложно, но взгляд зелёных глаз в такой близости завораживал...

Глеб сидел, не отрывая от меня тех самых зелёных глаз, и молчал. Секунды три молчал – должно быть, вновь сканируя на дефекты, – затем повернулся к водителю и спокойно приказал:

– Поехали.

Только тогда поняла, что не дышала все эти три секунды...

Глава 3. Это что, бал?

Несколько минут мы ехали в тишине. Я сидела, стараясь вообще не шевелиться, и искоса поглядывала на шефа. Хорошо, засранец. Находиться так близко к нему и игнорировать этот факт – оказалось довольно сложно. Наверное, у всех плохих парней такие лица: с идеальными (для нас, простых смертных) чертами, с широкими скулами, с чувственными губами, слегка нахмуренными черными широкими бровями, с гладкой кожей без намёка на щетину и с чуть выпирающими желваками... а, это он сердится – вот они и выпирают...

Глеб посмотрел на меня, – внимательно так посмотрел, – и мне пришлось сделать вид, что пейзажи за тонированным окном очень меня интересуют...

Через пару минут вновь кошусь в сторону шефа. Интересно, каким шампунем он моет свои волосы, что они выглядят так... дорого?

Идеальная причёска. Идеальная голова. Идеальный носитель головы с причёской. Жаль, что такой злобный монстр...

Думать о своём уже не таком светлом и не таком счастливым будущем под началом этого самого монстра не хотелось вообще, потому до особняка губернатора я доехала, просматривая всю информацию о самом губернаторе – на встроенной в салон сенсорной панели с подключенным ин-

тернетом. Информации было много, потому я не заметила, как с головой погрузилась в глубины мировой паутины, и вернулась в реальность лишь тогда, когда машина затормозила перед огромным особняком – резиденцией, прямо напротив входа, между достаточно высокой лестницей, ведущей к входным дверям, сейчас распахнутым настежь, и фонтаном, радующим глаз красивой скульптурой полуобнаженной девы, льющей воду из кувшина. Передо мной открыли дверь, и я смогла выбраться из салона. Огляделась. Мда, теперь понятно, куда уходят деньги налогоплательщиков. Следом из иномарки выбрался Глеб Самойлович и подошёл ко мне, предлагая свой локоть. Никакой романтики, просто этикет.

Водитель двинул авто в сторону парковки, а мы начали медленный подъем по ступенькам. Прихожая особняка губернатора была временно превращена в гардеробную, где услужливые молодые люди в форме помогли нам избавиться от верхней одежды. Как только я сняла плащ Лины, краем глаза заметила на себе взгляд Глеба. Кажется, я его не опозорила – ещё бы! Теперь в этом платье и в этих туфельках я являюсь носителем целого состояния, сумма которого годна как для первого взноса на ипотеку, так и для первоначального капитала для открытия какого-нибудь малого бизнеса. Было бы странно, если бы мой шеф вдруг заскрипел зубами и заявил, что я выгляжу неподобающе, потому как... куда уж лучше?..

Фея не могла меня подвести, потому я абсолютно уверена в своём внешнем виде. Кажется, это отражается в моих глазах, потому что Глеб неожиданно усмехается краешком губы и вновь подаёт мне руку. Теперь, когда его верхняя одежда была сдана в гардероб, как и моя, я имела возможность разглядеть его: готовая восхищаться отменным вкусом своего шефа, я едва сдержала разочарованным вздох – на Глебе был очень простой (естественно, только на вид) костюм двойка черного цвета. Судя по фасону, новая коллекция очень дорогого бренда, но... почему-то я ожидала чего-то менее... строгого. И даже светло серая рубашка с тонким галстуком матового черного цвета не спасала положения.

Да, мой шеф выглядел на миллион, но всем своим видом он демонстрировал, что данное мероприятие ему неинтересно...

Ну, ему не интересно, зато мне – очень. Я в первый раз выбираюсь в свет, потому едва могу скрыть лёгкую дрожь. И когда мы доходим до конца холла, и перед нами открываются двери в огромный светлый зал, весь мой пессимизм по поводу долгов и грядущего рабства уходит на второй план.

Какая красотища!

Все гости в дорогих костюмах и невероятно элегантных бальных платьях! Струящийся шёлк, блеск тканей, сверкающие стразы, бриллиантовая россыпь – здесь было всё, что могло привлечь внимание и заставить любоваться, даже издали, даже понимая, что моё платье ничуть не уступает

остальным. Я едва сдержала готовую расплыться улыбку и неосознанно сжала ладонь на руке Глеба. Брюнет поморщился, явно давая понять, что думает по поводу этого приёма и по поводу этих костюмов, и вообще... по поводу всего! Ну, да и ладно! Мне радоваться никто не запретит! Единственное, за чем придётся следить – так это за выражением своего лица: Лина ясно дала понять, что оно всегда должно быть спокойным и безмятежным. Сложная задача, учитывая обстоятельства, но я прикладываю все усилия, чтобы держать марку.

На следующие двадцать минут мне перекрывают обзор все гости, изъявившие желание поприветствовать Бондарёва младшего, потому стою, дежурно улыбаюсь и киваю головой в случае, когда Глеб решает представить меня своим знакомым – таких счастливиц было единицы. А тех, кто удостоил меня пары фраз – и того меньше.

Самое интересное, что, представляя меня, шеф не называл моей должности – лишь имя и фамилию. И закралась ко мне мысль, что таким образом он делает себя недостижимым для остальных барышень, что бросали на него весьма красноречивые взгляды, но подходить флиртовать не спешили – встречая мои холодные глаза на своём пути.

Да, пусть это странно, но я буду оберегать шефа от их внимания! Судя по плотно сомкнутым челюстям, Глебу на данном мероприятии было некомфортно, и он хотел как можно быстрее свалить отсюда, куда подальше. В чем дело, я поня-

ла лишь тогда, когда в зале появилась виновница торжества – милая, непосредственная русоволосая девушка с бегаящим, слегка взволнованным взглядом, в невероятно дорогом платье из атласа изумрудного цвета с пышным шлейфом. Она так быстро пересекла весь зал, что я начала размышлять о соблюдении правил приличия в светском обществе, и о том, имеет ли именинница право нарушать их... столь откровенно? В общем, когда это чудо в зелёном остановилось прямо напротив моего окаменевшего шефа, я едва сдержала желание прыснуть. Татьяна была неподражаема. Правда. Потому что, подойдя к нам, она не стала дожидаться традиционных поздравлений, а заявила сразу:

– Ты пришёл.

– Таня, веди себя прилично, – тихим, вибрирующим голосом приказал Глеб.

Не попросил, не сказал, а именно приказал. А от этих вибраций в его голосе даже в моём теле начались странные процессы: оно (моё тело) почему-то решило, что мой начальник достоин нашего с ним особого внимания...

– Я рада, что ты пришёл, – сказала Татьяна, подавила на него своим напряжённым взглядом и перевела его на меня, – А ты – Мила?

– Да, мы с вами разговаривали днём, – негромко ответила я.

Бровь Татьяны самопроизвольно взлетела вверх.

– И впрямь... странный голос. Я думала, он такой только

по телефону, – без особого восторга сухо заметила она.

– Он такой всегда, – поспешила заверить я, чувствуя, как расслабляется плечо Глеба.

Он был явно доволен, что внимание с него плавно перешло на меня.

– Привет, Глеб, – кучерявая блондинка, появившаяся позади Татьяны, растянула губы в обаятельной улыбке, – Это твоя новая девушка?

Блонди кивнула на меня. Не знаю, что собирался ответить Глеб, но Таня его опередила:

– Это его личная помощница, – не поворачиваясь к своей подруге (сестре? Знакомой?), коротко сказала она, затем вновь устремила свои голубые очи на Глеба, – Не уходи рано. Я хочу поговорить.

– Мы всё обсудили, Таня, – и вновь эта волнующая вибрация в голосе.

Мой шеф умеет чувствовать?.. Или нет, он умеет проявлять не только презрение и самодовольство, он способен и на чувство такта по отношению к женщине?..

Правда, назвать Татьяну женщиной – язык не поворачивался, и тем не менее, было очевидно, что между ними было что-то, о чём брюнет вспоминать не хотел. Абсолютно.

– Урны для пожертвований вынесут только через час, – пропуская его слова мимо ушей, сказала Татьяна, – Ты всё равно не сможешь уйти раньше.

Я услышала скрип зубов. Реально. Не думала, что этот

звук действительно существует в природе – всегда воспринимала его описание на страницах романов, как большое преувеличение с целью четче передать внутреннее состояние героя.

Была не права.

– Тебя ждут гости, – глядя девушке прямо в глаза, сказал Глеб.

Таня тут же развернулась на каблучках и направилась ко всем тем, кого она так явно проигнорировала в начале. Официант, пронесивший в этот момент поднос с бокалами мимо нас, был остановлен взмахом мужской руки. Чёрт. Меня начинает мелко трясти: наставления феи я помнила очень чётко, потому сейчас обоснованно опасалась за своё здоровье, но – будь, что будет! И как только бокал с игристым оказывается зажатым между пальцами Глеба, я молниеносно перехватываю его своей рукой и опрокидываю в себя. Так справиться с собственным страхом будет легче.

– Ты что творишь? – одними губами спрашивает шеф, и в его голосе я слышу предвестие своей скорой казни.

– Не даю вам пить, – как удивительно высоко может звучать мой голос в моменты отчаяния!

Даже Глеба проняло. Он настолько привык к моим «глубоким низам», что сейчас приподнял брови в молчаливом изумлении.

Разворачиваюсь к нему всем телом, вбираю воздух в лёгкие и выдаю на чистом глазу:

– Я не позволю вам пить алкоголь, Глеб Самойлович.

– Ты что, страх потеряла? – совершенно искренне удивляется шеф.

В сочетании красивых зелёных глаз, чуть приподнятых бровей и приоткрытых в вопросе губ, его слова звучат даже обаятельно.

– Нет. Я очень боюсь, – решила быть честной до конца, – Но у меня есть чёткое указание вашей бывшей помощницы.

– Лина вылетит из компании быстрее, чем ты до дома доберёшься, – очень спокойно сказал Глеб, отчего вся фраза прозвучала так угрожающе – что меня проняло.

– Я обучалась у вашей помощницы целый месяц. По вашему приказу, – собрав всю волю в кулак, сказала я, – А это значит, что ей вы доверяете.

– К чему эти очевидные факты? – холодно поинтересовался зеленоглазый брюнет.

– Если Лина сказала, что вам нельзя пить, значит, вам нельзя! – проговорила я, справляясь с дрожью в голосе, – И это значит, что я вам пить не дам.

– Очень спорное высказывание, – невзначай заметил Глеб, в руке которого каким-то волшебным образом вновь появился полный бокал.

Как я не заметила того официанта?!

В этот раз выхватываю алкоголь резче и ещё быстрее опрокидываю его в себя.

На виске Глеба дернулась вена. Зелёные глаза сузились, и,

казалось, готовы были прожечь во мне дыру.

– Ты уволена, – прошипел брюнет, наклоняясь к самому моему лицу.

А мне что? У меня в крови буянят два бокала дорогого вина – мне теперь ничего не страшно.

– С большим удовольствием покину вашу компанию, – честно призналась, глядя ему в глаза.

То, что расстояние между нашими лицами было минимальным, мой внезапно охмелевший мозг проигнорировал. Странно, а с чего бы это мне так быстро напиться?.. А! Месяц прессинга без выходных ускоренного курса «Личной помощницы» с финальным экзаменом сегодня днём. Точно. Я ж вообще сегодня держалась на голом энтузиазме. А тут такое дело – в ослабший организм, забывший о нормальной еде, влило целых два бокала дорогого игристого вина! Как тут крышу не сорвёт?

– И подругу свою с собой прихватить не забудь.

Урод.

– Она может идти на все четыре стороны, – скалю зубы в улыбке.

Брюнет давит на меня холодным пристальным взглядом.

К следующему бокалу мы тянем руки одновременно. Так выходит, что каждый получает по желаемому, потому я быстро осушаю свой и отрываю следующий уже от самых губ босса. Секунда – и содержимое уже внутри меня, а в глазах слегка мутнеет.

– У тебя же нет непереносимости, – хмурится Глеб, замечая неладное.

– С моей медицинской книжкой ознакомились? – хмыкаю я, отставляя пустые бокалы на свободный поднос, – Неважно, – отмахиваюсь от него, как от мухи.

Начинаю оглядывать зал в поиске партнёра по танцу, не собираясь объяснять ему очевидное – мой организм просто устал от стресса. Это нормально.

Загонять человека ускоренными курсами по профессии от него далёкой – вот это ненормально. Угрожать увольнением подруги (пусть и бывшей, судя по всему) – это ненормально. Желать быть повелителем всего города – это тоже ненормально.

Но что я буду объяснять этому самовлюблённому ослу с монстрячими повадками? Раз уж я уволена, то смысла разговаривать больше не было.

Собираюсь идти на поиски своего принца и даже делаю первый шаг в сторону уже во всю танцующих гостей губернатора (кстати, он-то появился или нет? Кто скажет?), как чувствую жесткий хват на своей руке. Оборачиваюсь, смотрю на бывшего босса.

– То, что я должна вашей помощнице целое состояние, не делает меня вашей рабыней! – выдаю с гордостью в слегка ошалевшее от моего высказывания лицо.

Делаю второй шаг и почему-то возвращаюсь обратно. Не порядок. Так меня принц не заметит. Смотрю по сторонам,

размышляю, как избавиться от чужой культяпки на руке. Может, вырубить его по-тихому? Нет, все смотрят. А что смотрят-то? Красивых исхудавших личных помощниц не видели, что ли?

Бывших личных помощниц. Кошусь на ноги. Если руку не пускают, надо отправлять туфлю в пляс! Пусть принц ищет меня по моей новенькой Manolo Blahnik, пока я стою здесь, обездвиженная монстром!

Нога уже согнулась в колене, готовая отшвырнуть туфлю (пусть в этот раз и не хрустальную) как была перехвачена и поставлена на место. Удивленно кошусь вниз. Опять. На этот раз вместо своей торчащей из-под платья туфельки вижу своего бывшего шефа, делающего вид, что он завязывает шнурок, а на самом деле одной рукой держащего меня за голень под платьем. Горячая рука... На моей ноге. Под платьем.

Замираю, не зная, как на это реагировать. Почему-то это его прикосновение ощущается ужасно интимно.

– Эй, чудовище, ты чего делаешь? – полупьяным шепотом вопрошаю у брюнета.

Взгляд, который был направлен на меня снизу, слегка отрезвил.

– Кто я? – очень тихо, но так, что я почему-то слышала его через громко играющую музыку, спросил Глеб.

– Чудовище, – медленно повторила я, ощущая, что загоняю себя в какую-то странную ловушку.

Брюнет поднимается с колен во весь рост и встает прямо передо мной, в непозволительной близости.

– Ты меня сейчас... чудовищем назвала? – повторяет, сузив глаза, метающие молнии в мой мозг.

– Ага, – киваю, сознаваясь в содеянном.

– А ну-ка пошли отсюда, – почти в самое лицо прошептал мой бывший шеф, но почему-то фраза прозвучала совсем не интимно.

И хват на моем предплечье не был нежным... совсем. Скорее – болезненным.

– Ещё урны не вынесли, – заметила я, как бы, между прочим.

– Я пришлю им чек, – прошипел брюнет и повёл меня на выход.

И это что, был бал?..

Не-е-е-е! Так не пойдёт!

Вырываюсь из рук черноволосого монстра и стремлюсь туда – к свету, к танцующим, к музыке, неизвестно, когда зазвучавшей! Внезапно взлетаю на воздух, не имея сил скрыть радостную улыбку! Да, я лечу к тебе, моя сказка! Даже руки к тебе тяну! Как меня резко разворачивает в пространстве, и выносит в холл, – звук захлопнувшихся за моей спиной дверей, отрезает чудесные аккорды музыки...

Быстрый проход по пустому холлу, ощущение пола под ногами – лишь на несколько секунд, пока бывший шеф при-

нимал нашу верхнюю одежду, снова взлет (но уже не такой радостный), выход на холодный воздух, спуск по ступеням, – и меня забрасывают в салон тонированной иномарки.

Как-то не так всё пошло... там же сказка, радость, танцы, музыка! Тянусь к дверце, чтобы выбраться на свободу, как внутрь салона забирается брюнет и нажимает кнопку блокировки.

Становится страшненько...

Глеб разворачивается ко мне лицом и некоторое время прожигает своими зелёными глазами.

– А мы куда? – спрашиваю несмело.

Но босс меня игнорирует; он достает свой навороченный телефон и делает звонок.

– Нет, планы поменялись, – холодно отзывается на чей-то вопрос, расслышать который я не в состоянии, – Даже не спрашивай, расскажу на месте. Да, давай в «Огонь и Лед».

О! Я знаю это место! Наикрутейший клуб с самым злым фейс контролем! Хочу туда!

Смотрю на брюнета глазами кота из «Шрека» – его от этого зрелища нехило передёргивает. Интересно, в чём я ошиблась?..

– А я?.. – уточняю, вытягивая ноги перед собой и складывая ручки, как прилежная школьница.

– Со мной, – как-то нехорошо усмехается бывший босс.

– Ееее! – кричу, вскидывая руки вверх, затем так же непосредственно спрашиваю: – А меня в этом пустят?

Брюнет косится на моё новомодное, но совершенно не клубное платье. Что-то мне подсказывает, что с Ним меня пустят без проблем, но в своём подвыпившем состоянии я не слушаю это «что-то». Вопрос моей внешности волнует меня чрезвычайно.

– Надо спросить у Лины! – заявляю вслух и начинаю набирать номер феи.

Как ни странно, она отозвалась почти сразу, выдохнув в трубку такое же нетрезвое «Алло».

– Линаааа! – закричала я, не обращая внимания, как поморщился бывший босс, – А я уволена!

– Да? – недоверчиво протягивает та.

– Да! – радостно сообщаю ей.

– И где ты сейчас? – интересуется моя персональная фея-крестная.

– Еду с шефом в клуб «Огонь и Лед»! – делюсь последними новостями.

– Здорово! А я уже здесь! – восклицает фея, и мы дружно хохочем друг другу в телефоны, – Давайте быстрее! Скоро выйдет крутой диджей!

– Мы уже мчимся! – обещаю на радостях и сбрасываю номер; поворачиваюсь к шефу, – Она уже там!

– Этого следовало ожидать, – прикрывая лицо рукой, отвечает мой брюнет... ой... мой шеф. Бывший.

– Она, наверное, тоже радуется окончанию моего обучения! – со знанием дела, вещаю на весь салон, кивая головой;

затем вновь смотрю на своего бывшего брюнета... шефа...

Запуталась...

А Глеб уже вовсю звонит кому-то ещё:

– Да, снова я, – отвечает раздраженно, – Может, не в «Огонь и Лёд»? Там Лина... да нет, я не против, она уже упитая в хлам, но быть под присмотром... нет... знаю я, кто там сейчас выступает... Возьмешь на себя? Ну, ты сам это сказал. Всё, будем через пару минут.

Я начинаю улыбаться. Понятия не имею, о чём разговор, но теперь знаю точно – мы с феей увидим друг друга! И неважно, что я не очень-то её люблю! После сегодняшнего дня у меня вообще нет подруг, так, пусть будет хоть эта!

Когда машина остановилась на парковке перед известным в городе ночным заведением, я едва не завизжала от восторга! Выбралась наружу, чуть поморщившись оттого, что подол сковывал движения, но тут же снова растянула губы в улыбке – Лина шла к нам в весьма фривольном наряде, слегка пошатываясь из стороны в сторону с поднятыми вверх руками:

– Ты ж моя куколка! Приехала! – воскликнула она, обдавая меня крепкими парами во время объятия.

– Я уволена и мне неудобно! – сообщаю ей очевидное, тыкая пальцем в платье.

– Сейчас исправим! – поднимает сведённые большой и указательный пальцы Лина и нагибается к подолу моего платья, провоцируя всех стоявших вокруг мужчин на внима-

тельные взгляды, направленные на её короткое облегающее черное платье-чулок.

Фея уверенным движением руки превращает мой дорогой наряд в мини, отрывая ткань по строчке, а я начинаю хохотать оттого, как просто ей удалось это превращение.

– Это явно лишнее, – глядя на внушительный слой материала со стразами в руках, сообщает Лина и закидывает шматок ткани в салон машины Глеба, затем вытыкает из моей головы пару шпилек, освобождая тяжелые локоны, – Идём отмечать твоё назначение?

– И увольнение! – весело добавляю я, и мы обе направляем свои ножки в дорогой обуви прямо к входным дверям в клуб.

Это странно, но пускают нас без всяких проблем, хотя, помнится, пару месяцев назад мы пытались попасть в это заведение нашим выпускным курсом, и нам дали от ворот поворот. Нынче же я внутри, и совсем не впечатлена интерьером – после резиденции губернатора, этот клуб – фуфло. Так и заявляю Лине, ведущей меня на танцпол. Зато какая музыка! Она пробивает мозг своими басами, заставляя тело реагировать на чёткий ритм и уходить в транс, двигаясь в центре зала, окруженная сотней таких же пьяных, как я, людей! Через пятнадцать минут я вырываюсь из этой толпы и иду к столику, на который указывает Лина – там уже сидит Глеб, покуривая кальян, а рядом с ним...

– ТЫ! – весело тыкаю в лицо блондину.

– Я, – улыбается голливудской улыбкой тот.

– А я уволена! – сообщаю новость дня.

– Ты знаешь, это не совсем очевидно, – странно отзывается Макс, и я делаю вывод, что он также пьян, как и все.

Официант приносит заказ: на столе появляются салаты, горячее, напитки и алкоголь.

Вообще-то я уже уволена. Но помню наставления крестной. Ой, феи... Лины!

Короче...

Качаю головой, глядя, как Глеб тянется к графину с виски. Кто вообще подаёт виски в графине?! Перевожу взгляд на Макса. Неужели он не знает, что Глебу пить нельзя?..

Похоже не знает. Так смотрит на меня, словно ожидает какого-то шоу. Хочу его разочаровать – шоу не будет. Зато будет акция по спасению уже не своего начальника. Иду к диванчику, проскальзываю между столом и светловолосым Максом, плюхаюсь на место рядом с Глебом и отодвигаю графин от него.

– Вам нельзя, – сообщаю скорбно.

Позади слышатся странные звуки, словно кто-то чем-то давится. Нет времени проверять, я не медсестра, в конце концов. Я – гуманитарий. О чём и сообщаю бывшему шефу.

– И? – он смотрит на меня таким взглядом, что я чувствую очень чутко – убьет.

Только непонятно за что: за то, что гуманитарий или за то, что пить не даю.

– Меня нужно слушаться. Я же социальный работник, – сообщаю шефу, глядя в злющие зелёные глаза.

– Она прелесть! Глеб, оставляй! – давится за моей спиной Макс.

Я сжаливаюсь, поворачиваюсь к нему и поддвигаю к краю стола кувшин с вишнёвым соком. Разворачиваюсь обратно к шефу.

– Вам нельзя пить, – повторяю, зачарованно глядя на красивое лицо самого злобного монстра.

– Мне кажется, я готов убить Лину, – Глеб смотрит на Макса совершенно серьёзно, игнорируя меня.

Ему вообще не смешно.

– Не получится, сам знаешь, – отмахивается блондин, не скрывая веселья в голосе, – Пойду-ка найду её, пока опять кого не подцепила. Развлекайтесь без меня.

Да какое уж тут развлечение? Смотрю на Глеба Самойловича и отмечаю про себя его невероятную сексуальность... а может, не очень про себя... в любом случае, поганый характер портит дело, о чём и сообщаю ему.

– И почему же это у меня поганый характер? – сжав губы в тонкую линию, медленно спрашивает Глеб.

– Вы же просто злой, – сообщаю ему очевидное.

Да я просто капитан всего очевидного в этот славный вечер!

Ночь...

Что за время сейчас?..

– И почему это я злой? Потому что захотел, чтобы моя будущая помощница стажировалась у лучшей в своём деле? – он поднял абсолютно трезвую бровь на холодном лице. Или абсолютно холодную бровь на резвом лице?.. Что-то в этом предложении явно меня смущает... – Или потому, что пригрозил тебе уничтожением твоей трудовой за вопиющее нарушение всех норм и порядков в своей собственной компании?

– Ну, компания-то не ваша, – вновь сообщаю очевидное, глядя на него с таким многозначительным выражением на лице, – Она вашему папе принадлежит.

– Да что ты? – Глеб как-то нехорошо улыбается.

И тянется к графину.

Не дам!

Графин вместе со мной взмывает в воздух, и собирается лететь на встречу свободе, но моё тело вдруг резко возвращается на место, обхваченное двумя горячими ладонями.

– Я вот одного понять не могу, как ты могла сдерживать свой фонтан весь этот месяц? – прошипел Глеб мне на ухо, а я вдруг осознала, что неровности под моей попой, это не диван.

Это мужские колени.

– Так я ж занята была. Готовилась быть вашей помощницей, помните? – поворачиваюсь к брюнету, держа графин на вытянутой руке.

Всё очень неудобно. Отчего-то явно хочется избавиться.

От графина?.. От брюнета?..

– Это я хорошо помню. Незабываемый месяц твоего молчания, – отозвался Глеб и вновь сделал попытку отнять у меня виски.

Зря он так. Мы же знаем способ, как ему помочь! И я опрокидываю содержимое тары через узкое горлышко прямо в своё горло. Как жжётся!!! Резко убираю бутылку, стараюсь продышаться, получается плохо. В теле всё начинает странно вибрировать, словно организм решает, как ему реагировать на влитую внутрь неопознанную жидкость. Мне становится реально плохо, музыка гремит, начиная бить набатом прямо мне в уши; поворачиваюсь к своему шефу, осознаю, что запить мне нечем, и закусываю его губами.

Охxxx, хороши на вкус! Мягкие, тёплые, такие близкие – даже тянуться не приходится. Почему сделала то, что сделала – не задумываюсь. Смысл? Если его руки вдруг смыкаются на моей ставшей сказочно хрупкой талии?.. Не уверена, что он рад моему нашествию... но, кажется, это его единственный способ получить алкоголь – потому быстро отрываюсь от его рта, понимая, что совершила ошибку! На моих губах всё ещё был привкус виски! Надо валить отсюда – последствия от употребления шефом алкоголя должны быть просто адскими! – иначе Лина бы не стала упоминать об этом. Дважды! Так что хватаю графин и мчусь от стола подальше. Оборачиваюсь: чудовище растеряно. Но ненадолго! Вот уже выбирается из-за стола и шагает вслед за мной.

Бежать! На танцпол! Почему туда? Там народу много... Танцую вместе с графином виски, поднятым вверх правой рукой. Все вокруг очень радуются, забирают пойло себе, испивают прямо из тары. Лина хохочет, но в какой-то момент исчезает с моего поля зрения, унесённая светловолосым ураганом по имени Макс, набежавшим на неё со спины и утянувшем её куда-то в толпу.

Оборачиваюсь. Пожимаю плечами, глядя в зелёные глаза, полыхавшие яростью: да, нет больше виски. Я позаботилась о вас, как смогла. Последние слова произнесла вслух, но, кажется, никто, кроме меня, их не услышал. Брюнет хватает меня за руку и тащит с танцпола, подводит к столу, заставляет есть. Но я не хочу! Во мне буйствует алкоголь вперемешку с адреналином, потому я рвусь обратно, к живо двигающейся массе. Тогда шеф просит о чём-то официанта – я уже не очень слежу за всеми его действиями, мне всё нравится, – и идет со мной к выходу. Свежий воздух охлаждает меня, и я улыбаюсь всем, кого вижу перед входом в клуб. Охранники мне рады. Пара парней с сигаретами в зубах – тоже. Меня тащат к машине и запихивают в салон; не успеваю я заметить, что ещё не успела натанцеваться с Линой, как всё моё внимание забирает куча светлого блестящего материала на сидении – мой собственный подол! Ложусь на него, чувствую себя купающейся в облаках! Сколько проходит времени, не понимаю, потому что отключаюсь буквально через пару секунд. Будит меня очередное ощущение полёта, затем чув-

ство, что я замерзаю... но оно быстро проходит, и меня возвращают в тепло. А дальше моё сознание уплывает в такие дали, что возможность фиксировать отпадает в принципе...

Глава 4. Вот и сказочке конец

Просыпаться не хочется... Бог мой, как не хочется просыпаться! Я несколько раз выплывала к самой грани реальности, но вновь возвращалась в объятия сна. Словно что-то держало меня, не давая проснуться; не позволяя вернуться туда, где...

Я резко распахнула глаза. Мир вокруг слегка плыл, но это было нормально – после крепкого алкоголя я всегда отхожу долго. Осматриваюсь по сторонам. И не могу идентифицировать помещение: просторная спальня с минимумом мебели, зато с огромной постелью – на которой я и лежала. За окном явно не раннее утро, но плотно задвинутые шторы скрывают от меня время суток, погружая комнату в приятный полумрак.

Пожалуйста, только не это.

Пожалуйста, только не это!

Я отодвигаю одеяло и обнаруживаю на себе вчерашнее платье.

Спасибо тебе, Боженька...

Осторожно спускаю ноги на пол и встаю; в дальнем углу просторной комнаты стояло огромное зеркало в полный рост – двигаюсь к нему, застываю.

Да за что ж мне всё это?! Как я могла в ЭТОМ вообще

вчера ходить?.. Как меня в клуб-то пропустили?!?!?! Ладно, вру сама себе – в клуб пропустили спокойно, там как раз место таким, как та девица, что смотрела на меня из отражения. А в следующее мгновение мою голову поразила другая мысль: платье уничтожено безвозвратно! Я не смогу пришить подол, постирать и сказать, что так и было! Чёрт! Черт-черт-черт! Как я позволила сделать это?! Я что, вообще страх вчера потеряла? Выходит, потеряла...

Начинаю быстро проматывать в голове, где мог оказаться внушительный кусок самой дорогой в моей жизни ткани... Выходит плохо, помню только как Лина резвым движением оторвала его прямо на мне перед клубом, а в клубе...

Танцы... виски... поцелуй...

Я села прямо на пол.

Нельзя, нельзя быть такой неудачницей! Я запустила руки в волосы: не помню момента, когда лишилась прически, но, кажется, это произошло до того, как меня уложили на эту кровать. Хорошо. Потому как, засни я со всеми теми шпильками – и голова сейчас болела бы адски...

Ха. Как будто она может болеть сильнее...

Медленно поднимаюсь с пола и осторожно иду к двери. Не могу даже мечтать, что эта квартира не Его. Что я вчера наговорила?.. Воистину, бесстрашие должно быть записано, как восьмой смертный грех. Особенно бесстрашие, подогретое алкоголем.

Я тихонько приоткрыла дверь и огляделась – никого. Кра-

дусь по просторному коридору в поисках ванной комнаты, таковая находится довольно быстро; стараясь не смотреть по сторонам и не удивляться внутреннему убранству данного помещения, быстро делаю все свои дела, умываюсь и вытираюсь Его полотенцем. Смотрю на себя в зеркало: без макияжа лицо выглядит безобразно детским в обрамлении пышных (после причёски у меня прям грива) волос и при наличии на теле такого яркого и короткого платья, слегка растянутого после сна. Я в лёгкой панике – косметики у меня с собой нет, новая сумочка смогла вместить в себя лишь ключи, блеск для губ и телефон. Телефон!

Медленно отступаю к двери, прислушиваюсь к звукам: ощущение, что квартира пуста. Что ж, это вполне возможно. Вряд ли Глеб Самойлович остался дома в рабочий день – сторожить мой сон. Уже смелее выхожу в коридор и исследую пространство на наличие прихожей. Где-то же она должна быть, в конце концов? Раз моя сумка не обнаружилась в спальне, значит, она должна быть в прихожей... Вот только комнат в этой квартире было столько, что я искренне опасалась, что попала в кроличью нору, и теперь надо мной тихо ржёт безумный шляпник, наблюдая, как я блуждаю по зачарованному коридору.

Подхожу к концу этой бесконечной площадки и облегчённо вздыхаю – прямо передо мной лестница на первый этаж. По ходу, меня отправили ночевать на второй уровень. Даже думать не хочу, как тяжело было тащить моё спящее тело на-

верх... Тихонько спускаюсь, всё ещё ожидая, что злой брюнет выскочит из любого угла и начнёт мстить за вчерашнее. Как он будет мстить, я почему-то не задумываюсь – страшен сам факт.

Но нет, первый этаж его апартаментов так же пуст. Я нахожу сумочку с телефоном на широкой барной стойке посреди кухни студии, быстро достаю девайс и осознаю сразу несколько вещей.

Во-первых, сейчас почти час дня...

Во-вторых, судя по пропущенным от Лины – мой босс на работе, в отличие от меня. И моя фея не знает, что я в данный момент нахожусь в его квартире: в достоверности данного факта (что квартира принадлежит Глебу) я убедилась, обнаружив на диване папку с документами из приёмной...

И, наконец, в-третьих – я абсолютно точно лишилась подруги. Пропущенный от Ленки заставил меня вспомнить, что я предложила ей провести вечер вместе и постараться вспомнить, почему мы раньше дружили и почему решили жить вместе... Но сообщение, пришедшее через пять минут после звонка, расставило всё по местам. Оно было длинным и гласило дословно: «Мила, я всё понимаю, твоя новая работа не дает тебе и шанса снизойти до нас, смертных. Но встречу назначала не я, а ты. А, раз ты такая занятая, да и ночевать тебе явно есть – где, я решила не откладывать новость и сообщить тебе прямо так: мы с Ваней решили жить вместе. В моей съёмной квартире. И да, я говорю «моей», потому

как, ты должна помнить, что не заплатила за неё ни разу: ни в прошлый месяц, когда ты только устроилась на работу, и я позволила тебе отдать деньги позже, ни в этот месяц, когда зарплату ты уже получила, но вкладываться за аренду не пожелала. В общем, вещи твои собраны и ждут тебя в коробках в коридоре – ключ оставь в прихожей, а дверь захлопни. Удачи тебе на новом месте»

Последние слова меня добили. Я даже чуть не сломала телефон, крепко сжав его в руке, но сдержалась – в моём нынешнем положении я не имела права на порчу собственного имущества. И так от этого самого имущества ничего не осталось.

Рассеянно смотрю по сторонам, обнаруживаю кофе машину, решаю, что добрая порция кофеина мне не помешает. В холодильнике обнаруживаю сливки, в шкафу – приправы, среди которых нахожу корицу; делаю себе горячий напиток. Затем подхожу к барной стойке и начинаю тихонько потреблять внутрь, думая о своей несчастной жизни, о грядущих сложностях в поиске работы, о долговой яме, почему-то о Бунине, потом о Горьком с его персонажами пьесы «На дне»... Тру слегка замерзшую ступню о голень другой ноги, ощущаю тяжесть пышных волос на спине, чувствую приятный вкус корицы на кончике языка – вот оно, моё похмелье. Все чувства обостряются, но голова почти не способна генерировать рабочих идей. Опасное состояние.

Потому, когда входная дверь открывается, я даже не ше-

велюшь. Просто знаю, что если позволю себе запаниковать, то побегом с кухни и прятками в ванной всё не обойдётся. Неее, даже самой страшно, чего я могу учудить – потому стою спокойно, продолжая пить кофе и тереть замёрзшую ступню о теплую голень. Поворачиваю голову к зашедшему Глебу и несмело улыбаюсь.

В этот момент в строгих прищуренных глазах шефа что-то меняется...

Однако, зафиксировать изменение я не успеваю, потому что следом за Глебом в квартиру заходит Лина.

– Ну, здравствуй, спящая красавица, – пропела фея, подплывая ко мне с полным пакетом еды и с увесистой косметичкой. Моей косметичкой, которую мне подарили вчера за количество приобретенной косметики, – Видок у тебя, конечно, тот ещё, – оставляя косметичку на барной стойке и уходя вглубь кухни, замечает Лина, – Прямо, ночная бабочка.

– В таком случае ты – её создательница, – грубовато отвечает Глеб, который, с момента своего прихода не отрывает от меня глаз.

Вновь недовольных глаз.

– Каюсь, перебрала вчера, – сознаётся Лина, ничуть не испытывая мук совести.

– Когда наряжала её или когда напивалась в клубе? – Глеб бросил на фею холодный взгляд, затем кивнул мне, чтоб шла за ним.

Ну, вот она, расплата. Сейчас мне скажут всё, что обо мне

думают, а я даже ответить не смогу, потому как действительно виновата.

Эта мысль загорелась желтой лампочкой в моем в мозгу, потому я решила идти на опережение – как только Глеб сел на широкий белый диван и рукой предложил занять место рядом, я аккуратно опустилась на самый краешек в самой дальней части предмета мебели и тихо, чтобы Лина не услышала, сказала:

– Простите меня, пожалуйста.

Даже голову опустила, потому как стыдно было и вообще... кротость – наше всё. Особенно ввиду грозящих кредитов и поиска новой работы.

Поднимаю голову, так и не дождавшись ответа, и вижу странную картину: на лице у Глеба ходят желваки, да и сам шеф выглядит так, словно я его только что волчьей ягодой накормила.

Плохо, Мила, плохо... монстры не любят слова «пожалуйста», они понимают только язык силы. Уже собралась, было, использовать вариант «атакуй в наглуую, заявляя, что он сам во всём виноват», как шеф склоняет голову набок, как-то странно заглядывая в мои глаза, и спрашивает тихим таким, страаашненьким голосом:

– А за что именно вы, Мила Георгиевна, сейчас просите прощения?

На «вы» стал обращаться.

Не просто «плохо». Хуже некуда!

– За то, что я так внезапно напилась и начала буйнить, – отвечаю тихо-тихо, так, что шефу даже приходится наклониться ко мне, чтобы расслышать.

– То есть за то, что вы не давали мне прикоснуться к спиртному, мотивируя это наказом от моей бывшей личной помощницы, вы извиняться не думаете?

Я вновь опустила голову, пытаюсь скрыть румянец. Конечно, не думаю! Там я была абсолютно права! И поступила так, как должно было поступить хорошей работнице.

– Что-то в вашем лице наталкивает меня на мысль, что нет, – продолжил шеф опасным, предостерегающим голосом, – Вы также не собираетесь просить у меня прощения за то, что сорвали мне несколько встреч на приёме губернатора, напившись с четырёх бокалов и угрожая здоровью всех особей мужского пола своей обувкой?

Что-то в его словах начало сильно меня напрягать, но я не стала заострять внимание, потому как всё моё существо отозвалось в протесте на его заявление: он ведь сам не хотел идти на этот прием! И напилась я лишь потому, что спасала его от неизвестных последствий после употребления алкоголя!

А Глеб Самойлович тем временем продолжил:

– Также, чувствую я, вы не собираетесь просить прощения за то, что поцеловали меня?

Ой, как жарко!

Я сижу, ни жива, ни мертва, опустив голову, с ручками, сложенными на коленях, и не знаю, что сказать.

Это был самый спорный момент в моих рассуждениях – должна ли я была просить у него прощения за Это? Если рассуждать здраво (а сегодня с похмелья у меня получается крайне плохо), то он сам усадил меня на себя! Даже самая глупая девушка в таком случае задалась бы вопросом, зачем он это сделал? А я глупой не была. По крайней мере, не всегда. Да, сегодня у меня с соображалкой туго, но, в конце концов, красный диплом университета о чём-то да говорит?..

Мотнула головой, запутавшись в своих мыслях.

– То есть, не собираетесь? – ещё тише и ещё мягче спросил шеф.

Ой! Я ведь не с ним разговаривала!

Поднимаю голову, испуганной ланью смотрю на него. Выдавливаю первое, что пришло в голову:

– Вы сами виноваты.

На лице Глеба появляется выражение, опознать которое я не в силах.

– И в чём же я виноват? – медленно переспрашивает он.

– Хватит мучить девочку! – неожиданно ворвалась в наш разговор Лина с лопаткой и бутылкой оливкового масла в руках, причём лопатка была вытянута вперёд в обвинительном жесте, – В начале заставил её пройти через весь этот ад, а теперь пытаешь её за то, что девочка слегка расслабилась!

– Слегка расслабилась? – Глеб поднял брови вверх, – Она чуть не опозорила меня на приёме губернатора, – напомнил он холодным, как лёд, голосом.

– На который ты потащил её в первый рабочий день! – Лина взмахнула руками, – Глеб, будь снисходителен – от тебя не убудет!

– А с чего это ты вдруг так её защищаешь? – шеф перевёл недовольные очи на Лину, – Мне напомнить, кто виноват в том, что она напилась?

– Ты будешь мясо или рыбу? – фея тут же упорхала на кухню, только пятки сверкали.

А я смотрела на это и дивилась – а что вообще происходит?..

– Значит, так, Мила Георгиевна, – начал, было, шеф, как я вновь его перебила:

– Перед тем, как погоните меня из своего дома, пожалуйста, выполните три последние просьбы!

Глеб замер, недоверчиво глядя на меня. Причём я никак не могла понять, от чего он больше удивлен: от того, что я заранее знаю, что он меня погонит, или от моей наглости, что попросила выполнения сразу трёх желаний.

– Слушаю, – кажется, чисто из любопытства спросил он. Фффух, а теперь собрать всю волю в кулак...

Я подняла на него глаза и заговорила со всей убедительностью, на которую была способна:

– Я уверена, что моя первая просьба для вас достаточно ожидаема, но я всё же попрошу – не требуйте с меня деньги прямо сейчас. Я знаю, вы принципиальный человек, но заплатить за платье и туфли в данный момент – я просто не в

состоянии: мне не дадут кредит, пока я не найду новую работу, – протараторила, сжав руки в кулачки, затем, не давая ему опомниться, продолжила, – Моя вторая просьба связана с первой: пожалуйста, скажите, не видели ли вы подол от моего платья – я потеряла его на вчерашнем... – замолкла, едва не сказав «балу», но тут же исправилась, – мероприятия, кажется, где-то перед клубом... Я понимаю, вам не до того было, но, может, я смогу пришить подол обратно и отнести в химчистку – а после этого сдать обратно в магазин, потому что двухсот тысяч у меня в кармане точно не завалось. Вдруг примут? – и я с такой надеждой посмотрела на шефа, что тот вынужден был как-то неловко пожать плечами, не желая расстраивать меня, разрушая мои надежды, – И моя третья просьба, и последняя, пожалуйста, не гоните меня на улицу прямо сейчас – мне нужно всего лишь полчаса, чтобы найти в интернете новую квартиру, я обещаю, что не буду вам мешать – посижу где-нибудь в уголке, вы меня и не заметите, просто на данный момент у меня нет места, куда бы я могла уехать, а все мои тёплые вещи находятся на другом конце города, в квартире, из которой меня только что выселили.

Держаться. Держаться. Держаться, не плакать! Смотреть ему в глаза и не плакать! Ты сильная, Мила! Ты не покажешь ему своей слабости!

– Вас... выгнали из квартиры? – медленно переспросил Глеб Самойлович.

– Я забыла оплатить аренду за два месяца, а подруга... – я сжала челюсть – Лена больше не заслуживала такого статуса, – Она решила жить в квартире со своим парнем. Так что я вроде как... бездомная.

– Это та самая фифа с четырнадцатого этажа? – подала голос Лина, которая, как выяснилось, всё это время слушала мой монолог, – Я ж говорила – гнать её надо было.

– Почему? – слегка обиделась за бывшую подругу я.

– Да её оставили-то только из-за тебя, – отмахнулась фея, облокотившись о барную стойку.

– Лина! – жестко одернул её Глеб, после чего фея с невинным видом упорхала обратно в глубину кухни; затем шеф вновь перевёл взгляд на меня, – Ты хочешь сказать, что сейчас тебе некуда идти? – медленно переспросил он.

Я подобралась. Признаваться в этом было неприятно.

– Да, – кивнула, стараясь не раскваситься от собственной неудачливости.

Даже интересно, куда она в очередной раз меня заведет?..

В глазах Глеба мелькнуло что-то очень подозрительное. Искорка легкого триумфа. Но она исчезла также быстро, как появилась, сменившись привычным высокомерием.

– У меня есть к тебе предложение, Мила, – вольготно перешёл на «ты» мой чудовищный шеф.

И как-то мне сразу так нехорошо стало... от такого его предложения.

– Слушаю, – совсем тихим голосом сказала ему.

– То, что ты вчера вычудила... – голос Глеба тоже зазвучал тише, словно он не хотел, чтобы Лина слышала его слова, – за это, как ты понимаешь, полагается увольнение.

Я поникла. Конечно, я понимала это! Зачем озвучивать вслух очевидное?..

– Но я готов в первый – и в последний! – раз закрыть глаза на твой проступок... и не наказывать тебя... – продолжил шеф, а я недоверчиво взглянула на него; неужели он проникся моей речью, вырвавшейся из меня экспромтом в момент глубокого отчаяния?.. неужели моя пресловутая удача всё ещё при мне?.. В это время Глеб продолжил: – Я оставлю тебя в компании на должности моей личной помощницы, – (тут надо обязательно пояснить, что в этот момент мои глаза по форме начали напоминать два очаровательных мимишных блюдца, а шеф все продолжал...), – И не буду штрафовать тебя за сорванные на приёме встречи. Как не буду выписывать тебе выговор за неприемлемое поведение, порочащее имя компании. И даже не буду напоминать о том, что произошло в клубе...

– Правда, не будете? – тут уж не выдержав, искренне изумилась я.

На лице Глеба мелькнула неопознанная реакция, словно с последним своим обещанием он слегка поторопился, но шеф быстро взял себя в руки, и его лицо вновь стало слепком из нечитаемых эмоций:

– Не буду... – ответил он, почему-то проигнорировав под-

тверждение слова «правда».

– Но... у всего этого есть своя цена, – вновь тихо произнесла я.

Ясен пень, что есть цена! Как бы теперь не попасть к Глебу Самойловичу в ещё большее рабство...

Я прикусила губу, представляя, что может предложить мне монстр, искренне полагающий, что он – Носитель Правды. А в том, что сын гендиректора явно ошибается в оценке себя, я вчера убедилась абсолютно точно: вот уж про кого выражение «в чужом глазу соринку видим, в своём – бревна не замечаем».

– Я так понимаю, что в данный момент ты испытываешь проблемы с жильем, – протянул Глеб, осторожно косясь в сторону Лины.

– Да, – вновь пришлось кивнуть мне.

Он что, мне сейчас предложит квартиру снять за счёт фирмы? Нееет, рождество ещё не скоро, да и день рождения мой только через пару недель. Мне просто не может так подфартить!

Смотрю на него с ожиданием, сама, не веря в своё счастье...

– А я испытываю проблемы с поиском домработницы, – тем временем продолжил шеф, слегка сбивая меня с толку, – Лина, конечно, выручает меня, но я не могу требовать от неё постоянного присутствия...

– А почему вы испытываете проблемы с их поиском? –

недоуменно спросила я.

Сейчас столько агентств, предлагающих свои услуги, а у шефа столько денег, – что это кажется невероятным.

– Они слишком часто увольняются, поработав с месяц и получив приличную зарплату, – откинувшись на спинку дивана, недовольно протянул он, – Мне нужен кто-то на постоянной основе, – и Глеб перевёл взгляд на меня.

Э...

Мм...

Чего?

– Вы хотите, чтобы днём я была вашей личной помощницей, а вечером... домработницей? – недоверчиво переспросила, надеясь, что мой мозг меня подводит, и выводы, которые я сделала – лишь плод моей фантазии... но Глеб Самойлович продолжал смотреть в мои глаза, никак не опровергая сказанное, – Как вы это себе представляете?.. – искренне изумилась.

– При неукоснительном соблюдении правил субординации – очень даже просто, – спокойно отвечает шеф.

– А что, по-вашему, должна представлять собой эта самая субординация? – ещё больше изумилась, – На работе ни слова о доме, а дома – ни слова о работе? А вы подумали, как я вам в офисе буду в глаза смотреть после того, как постираю пару ваших трусов? – я настолько ошалела от его предложения, что вся моя кротость и покорность быстро вылетели в трубу, смещённые природным сарказмом и абсолютным

недоумением.

– Поверьте, Мила Георгиевна, стирать за собой я приучен. А вообще – машинка в помощь, – огрызнулся шеф, а я поняла, что-таки смогла вывести его из себя.

Но он сам виноват!

– И вот это ваше постоянное перескакивание с «ты» на «вы», – тут же заметила я, коротко потыкав в него пальцем, – Где здесь граница той самой субординации, которой вы требуете от меня?

– Стирка моих трусов – единственное, что влияет на принятие вами решения? – холодно уточнил Глеб Самойлович, проигнорировав мой вопрос.

– Да, – почему-то покраснев, сказала я.

Здрavo оценить его предложение мне мешало похмелье, так что на данный момент его нижнее бельё волновало меня больше всего. Уж не знаю почему.

– Тогда идёмте в кабинет, – он резко поднялся на ноги и, не дожидаясь меня, пошёл в дальнюю комнату первого этажа.

– А зачем нам в кабинет? – начиная нервничать от всей этой «внезапности», тут же спросила я, тем не менее, посеменив следом.

– Подписать контракт и отправить его моим юристам, – бросил через плечо Глеб, проходя по коридору, затем открыл дверь в кабинет и впустил меня внутрь.

Я с удивлением осмотрелась по сторонам, отмечая хоро-

ший вкус хозяина квартиры: полки с книгами, широкий стол из темного дерева, удобное кресло, мягкий ворсистый ковёр кофейного цвета, торшер в углу и приятный терпкий запах, витавший в кабинете – всё это создавало неповторимый уют в рабочем помещении.

Лично я бы работала здесь день и ночь!

Украдкой смотрю на Глеба, который по-хозяйски устроился в своём удобном черном кожаном кресле и включил компьютер, выжидательно глядя на экран.

– А зачем нам подписывать договор? – осторожно спрашиваю, припоминая, что свой договор о вступлении в должность я так и не подписала.

Единственная бумажка, где я ставила подпись после появления в моей жизни сына гендиректора – это заявление о переходе в штат Глеба. Да и должность всё ещё не моя: Лина вчера очень четко дала понять, что я только стажируюсь... Вообще со всеми этими новыми событиями я так и не удосужилась узнать о своих перспективах. Ровно, как и о сроке стажировки. И о зарплате... И я все ещё не проверила состояние счета на своей карте, ведь мобильный банк отключила ещё месяц назад в целях экономии.

– Со всей своей прислугой я всегда подписывал договор о найме. Ставя свою подпись, вы обязуетесь не распространять какую бы то ни было информацию обо мне посторонним лицам.

– А зачем мне её распространять? – вновь искренне изу-

милась я.

Неужели он думает, что за дверью квартиры его ждёт орава влюбленных поклонниц, желающих узнать размер его носков?

Или я чего-то не понимаю?

– Вам, может, и не за чем, но охочие до подробностей моей личной жизни журналисты периодически находят способы выйти на связь с моей прислугой. Однако, желтая пресса – это не то, что заботит меня в первую очередь. Своей подписью вы также обязуетесь не распространять информацию о компании, которую сможете услышать случайно во время моих переговоров по телефону. Я не собираюсь прятаться по комнатам во время важных звонков, – он так выразительно посмотрел на меня, что я смутилась – не думает же он, что я буду подслушивать! тем временем Глеб продолжил: – это мой дом, и здесь действуют свои правила.

– Хорошо, – кивнула, принимая к сведению, что мой шеф ещё и параноик, – И на какой срок вы хотите подписать контракт?

– Думаю, три месяца – самый оптимальный вариант, – уходя с головой в файлы на рабочем столе, словно в проброс, сказал Глеб.

– Три месяца?! – я уставилась на него, как на сумасшедшего, – А если я раньше уволюсь из вашей компании? Или не смогу соответствовать вашим ожиданиям? Вы же даже не пробовали моей готовки! – всплеснула руками, не найдя ар-

гумента убедительней.

– Ваш контракт в компании в качестве моей личной помощницы будет тесно связан с новым контрактом в качестве прислуги в моём доме, – вновь не глядя на меня, а уставившись в экран, сказал Глеб, чуть прищунив глаза и выбивая на клавиатуре какой-то запредельный ритм.

– Но...

Я замолчала. Сказать мне было просто нечего: его предложение хоть и было убийственным по неожиданности содержания, тем не менее, мгновенно решало сразу несколько моих проблем – вопрос денег, вопрос жилья, вопрос трудоустройства. И хоть я мало представляла, какую работу смогу делать по дому, если буду возвращаться с работы так же поздно, а уходить на неё также рано, я не могла не признать – это реально выход. А три месяца в компании дают мне гарантию того, что я смогу накопить достаточно средств, чтобы расплатиться с Линой за свой сказочный наряд... Кстати, о наряде...

Я неловко пригладила несуществующие складки на платье и хотела, было, озвучить новую просьбу вслух, как принтер в углу неожиданно ожил, рождая на свет прямое доказательство конца моей сказки...

– Мила, распишись здесь, здесь и здесь, – Глеб тут же подал мне ручку и заставил поставить подпись сразу на нескольких листках, не давая возможности ознакомиться с контрактом.

– А я... – я потянула, было, руки за бумагами, как они тут же были отправлены шефом в сканер.

– Я отправлю их своему юристу, чтобы закончить с этим делом как можно быстрее, – сказал он, вновь с головой уходя в процесс на этот раз уже сканирования контракта.

– Но... – заметила, как бы, между прочим.

– Отправляйся к Лине, она покажет тебе, где что находится на кухне. Чуть позже я проведу экскурсию по квартире, а сейчас мне нужно разобраться со всей работой, которую я сегодня взял на дом, – и он вновь так выразительно посмотрел на меня, что на моих щеках расцвел румянец: ну, да, я сегодня проспала и на работу не вышла... надеяться, что он спустит мне этот прогул, было бы глупо, так что лучше не раздражать его по пустякам и по возможности выполнять его просьбы...

– Скажите хотя бы, когда я смогу ознакомиться с содержанием контракта? – собрав все свои растёкшиеся по полу мозги в кучку, настойчиво уточнила я, остановившись у самых дверей.

Думала ли я, что там будет пара пунктов, которые мне, мягко говоря, не понравятся? Думала. Допускала ли мысль, что Глеб захочет отыгаться на мне за моё поведение на приеме и в клубе? Допускала. Но срок контракта говорил о том, что он не рассматривает вариант «довести до бешенства и дьявольски хохотать, глядя в след убегающей и давящейся от слез – мне»... Да и вряд ли мой контракт будет чем-то

отличаться от тех, что подписывали другие домработницы. К тому же, он не сможет заставить меня делать что-то, чего я не хочу, – так что паниковать заранее было бы глупо.

Но почитать условия я просто обязана! Причём в ближайшее время.

– Я распечатаю его для вас вечером, – глядя мне в глаза, отрезал Глеб, и я тут же ретировалась из его кабинета – переход на «вы» всегда означал крайнюю степень недовольства шефа...

Таааак. А теперь – Лина.

Глава 5. Так просто не бывает!

Подхожу к фее, увлеченной готовкой на кухне, и в очередной раз за сегодняшнее утро не могу скрыть своего удивления:

– Лина, а что ты здесь делаешь?.. – смотрю в кастрюльку, в которой медленно доходит до кипения какой-то соус, и уточняю: – В смысле, не что конкретно готовишь, а почему делаешь это именно здесь?

– Я ж тебе говорила – мы росли с Глебом вместе, и вне фирмы довольно нормально общаемся... если специфику общения Глеба можно назвать нормальной, – пожалала плечиком фея, – И я иногда выручаю его, когда очередная домработница сбежит отсюда с кругленькой суммой, не пожелав продолжать общения.

Жжжжуть.

– Ну, что, он простил тебя? – она с весельем посмотрела на меня и попробовала соус с лопатки.

– Простил? – я недоверчиво покосилась на дверь в кабинет, – Ты так спрашиваешь, словно это дело трёх минут...

– Мила, – она красноречиво посмотрела на меня, отчего в моей душе зародились странные сомнения, – Он не для того потратил месяц на твоё обучение, обходясь практически без моей помощи, чтобы выгнать тебя за небольшой расколбас в

клубе. А с приёма он и сам был рад сбежать – дай ему только повод.

– Ты хочешь сказать, что... – медленно проговорила я, как Лина меня перебила:

– Он выбрал тебя в свои помощницы, а его выбор никогда не оспаривается и не подлежит сомнению. И если он сделал такую ставку, значит, ему нужна именно Ты. Он давно планировал повысить меня, но никак не мог найти замены, а тут ты, не имеющая никаких обязательств перед его отцом, да со своим расчудесным голосом, да ещё и с высшим образованием – пусть не по специальности, зато демонстрирующим, что у тебя есть голова на плечах. Перед тем, как сделать свой выбор, он проверил всю информацию, которая только есть о твоей персоне, и по всем критериям ты ему подошла: об этом он предупредил меня в первый же день твоего обучения, когда я высказала пару сомнений... К тому же, поверь, ему льстит то, что именно твой голос будет отвечать на его звонки. Пусть это мальчишеская забава, но тебе-то от этого только лучше! – и она так смачно фыркнула, что я поняла...

– Боже мой, Лина, я такая неудачница! – я упала на высокий табурет рядом с барной стойкой.

– Нет, ты совсем не неудачница, – легко оспорила Лина, – у тебя просто своеобразное везение.

– Ты не поняла, – я покачала головой, находясь в каком-то ауте от всего происходящего, – Я только что подписала контракт с Глебом Самойловичем.

– Так это же хорошо! – бегло улыбнулась фея, снимая кастрюльку с соусом с плиты.

– И ты опять не поняла... – я прикусила кулак, глядя вперёд невидящим взглядом... затем в мою голову пришла страшная мысль, и я перевела на фею глаза, в которых уже бушевало легкое безумие, – Лина, скажи, а долг за платье и туфли, что ты вчера приобрела...

– Я же сказала, попроси у Глеба премию, – перебила та, недовольно покосившись на меня, – Слово «долг» вообще неуместно в данной ситуации: ты же вынуждена была идти с шефом на приём! Значит, и все сопутствующие расходы – это только его проблема.

Ах, ты... собака пушистая!

– Это ж выходит, что я за просто так к нему в прачки на-нялась?! – тихо зверея, выдохнула я.

– Не поняла, – тут же отозвалась Лина.

– Я только что подписала с Глебом Самойловичем контракт, в котором, по ходу, добровольно согласилась быть его персональной золушкой на три месяца, – по слогам произнесла я, продолжая пялиться в пространство.

Буквально пара секунд тишины, а затем Лина издаёт нечто, вроде изумленно весёлого хмыка. Я бы даже сказала, что она хрюкнула, – но феи ведь не хрюкают.

– Прости... – я медленно перевожу взгляд на неё, – Ты что, только что «хмыкнула» на весь ужас моей ситуации?..

– Это ты прости, – Лина едва сдерживала улыбку на впол-

не себе серьёзном лице, – Но с юристами Глеба тебе не справиться.

– Что ты имеешь ввиду? – уже не надеясь на лучшее, сухо переспросила я.

– Что – если ты поставила свою подпись, значит, ты будешь работать у Глеба, – глядя на меня огромными умными глазами, в которых сочувствие смешалось с искренним весельем, – Как ты вообще додумалась до этого?

– Я?! – воскликнула я, едва не задохнувшись от возмущения, – Это он!!! Он сказал, что за мои ошибки полагается увольнение! И он сам сделал мне это грандиозное предложение – побыть его домработницей четверть года! Да ещё и соединить оба контракта в один!!

– Вот ты попала! – покачала головой Лина, веселясь уже в открытую, – Нет, Глеба, конечно, можно понять – он вряд ли вообще задумывался над тем, насколько тебе это будет неудобно. Главное, чтобы было комфортно ему, – она вновь покачала головой, а затем перевела хитрый взгляд на меня, – Хотя, думаю, здесь не только в этом дело.

– О чём ты? – пробурчала я, проклиная свою удачу, Ленку, её нового хахала и весь мир в придачу.

– Ему и впрямь надоели все его бывшие, которые с его возвращением в Россию решили, что отношения «не могут пройти просто так». Причём решили они это как-то одновременно и словно сообща... – она прикусила губу, обдумывая что-то в своей голове.

– А насколько Глеб Самойлович уезжал? – не особо вслушиваясь в любовные похождения шефа, кисло уточнила я.

– На все годы своего обучения за границей, – удивляясь моему незнанию биографии своего шефа, сказала фея, – А после окончания университета мы с ним вместе ездили по разным городам, собирали команду для нового проекта, вели переговоры с другими компаниями... Здесь мы были только наскоками. Но он всё равно успел наплодить себе «потенциальных невест», с которыми все это время приходилось разбираться мне. А теперь данная почетная обязанность ложится на твои хрупкие плечи, – она снова хмыкнула, а затем сказала уже чуть тише, – ты хоть понимаешь, какие перспективы перед тобой вырастают?

– Перспектива быть принятой за его девушку всеми этими разъяренными тигрицами? – не особо разделяя её азарта, пробурчала я.

– А ведь Глеб всё продумал... – словно не слыша меня, вдруг протянула Лина, неосознанно прикусывая деревянную лопатку, – Эти будут думать, что у него новая пассия – ведь о моих отношениях с его семьёй всем известно, потому я всегда воспринималась ими только как его помощница... а его отец не будет воспринимать тебя всерьёз – зная, кто ты, потому и здесь проблем не возникнет...

– Э... ты говоришь так, словно наш шеф вдруг решил в монахи податься, да только его никто не пускает, – заметила я, всерьёз засомневавшись в логичности её умозаключений.

– Так и есть: на уме у Глеба теперь только работа – поверь той, что знает его, пожалуй, лучше всех, – Лина тыкнула в меня деревянным прибором, выглядя при этом абсолютно уверенной в своих словах, – Но это не значит, что ты должна спустить ему этот свинский контракт!

– Я ведь даже его условий прочитать не успела, – поддакивая ей, закивала я.

– Тем более, ты даже его условий прочитать... – она вдруг осеклась и посмотрела на меня так, словно вместо моей скромной персоны посреди комнаты вдруг появилась Дива Плавалагуна, – Ты что, серьёзно не ознакомилась с контрактом перед подписанием?..

– Нет, – выдавила я, с опаской поглядывая на её реакцию, – Как думаешь, там может быть пункт об обязательном посещении комнаты боли?..

– Чего? – недоуменно переспросила Лина.

– А, может, он – синяя борода, а я теперь даже не имею права распространяться об этом... – продолжила я, уже гонимая своей фантазией.

– Господи, Мила! Успокойся! – отмахнулась фея, – Единственное, с чем тебе придётся столкнуться, так это с его дивным характером – но никак не с парой трупов под кроватью.

– Ты уверена? – на всякий случай уточнила.

– До этого дня не замечала запаха разложения в его квартире, – совершенно серьёзно заметила Лина, – Но вот с его мм... замашками... тебе придётся свыкнуться.

– Что за «замашки»? – уже не рассматривая даже шанса на хорошую новость, безрадостно спросила я.

Фея некоторое время красноречиво смотрела на меня, а затем перевела взгляд на моё платье.

– Ты знаешь, где его вторая часть?! – с надеждой воскликнула я.

– Понятия не имею, я была также пьяна, как и ты, – недовольно фыркнула та, – Лучше посмотри на себя и задайся вопросом, нормально ли это, что ты сидишь на его кухне в испорченном платье, не имея ни сменной одежды, ни свежего белья, зато уже подписала контракт, и была отправлена поднимать целину!

Я нахмурилась.

Опустила взгляд на платье...

И нахмурилась ещё больше. Похмелье – это, конечно, оправданье. Но Глеб Самойлович не пил. И теперь мне реально любопытно, каким нужно быть невнимательным и зацикленным на себе, чтобы упустить мой вид... из виду?..

– Лучше убери от меня соус подальше, – честно предупредила фею, – потому как у меня лютое желание пойти и вылить его на голову своему любимому хозяину.

– У меня есть идея получше, – на губах Лины появилась странная улыбка, а в глазах зажегся азарт.

– Прежде чем поделишься со мной... – я остановила её взмахом руки, отчего фея искренне удивилась, – Скажи, почему ему нельзя было пить?

И в самом деле, все мои проблемы начались с того самого наказа Лины – не давать Глебу Самойловичу употреблять алкоголь. Если бы не тот серьёз, с которым были сказаны её слова, быть может, всё сложилось бы иначе. И, прежде, чем нырять в очередную её авантюру с головой, я должна была понять, из-за чего так рисковала?

– Я не могу, Мила, – лицо феи мгновенно стало серьёзным, – Не потому что не хочу. А потому что это... – она замылась, явно подыскивая слова, – Это его личная проблема. Я просто знаю, что ему нельзя. Тем более – рядом с тобой.

– Почему? – нахмурилась я.

Но Лина только поджала губы и коротко качнула головой, отчего я поняла – суть не в моей «привлекательности» для шефа, а в чём-то ином. Возможно даже... в чем-то более неприятном, чем я могу себе представить.

– Но немного ему можно? – уточняю на всякий случай.

Моя категоричность в прошлый раз сыграла со мной злую шутку.

– Немного можно. Он знает меру... обычно, – уточнила фея, а затем в её глазах снова заблестел азарт, – Ну, так, как насчёт проучить одного, забывшего совесть, сына гендиректора?..

Стою у плиты, тихо напевая мотивчик себе под нос. Настроение приподнятое. Вообще всё хорошо.

Лина уехала где-то полчаса назад, поскольку время обеда

закончилось, и ей пришлось вернуться в компанию – её-то никто от рабочего дня не освобождал. Она успела приготовить рыбу, наказав мне сделать гарнир и самой плотно покусать, а прежде, чем покинула квартиру Глеба, забежала в кабинет шефа и предупредила, что отправит человека за моими вещами вечером...

Как мы обе и рассчитывали, реакции на это не последовало, – вряд ли Глеб Самойлович вообще думал о том, что моим ногам может стать холодно.

Он же не мерзнет!...

В общем, хорошее у меня настроение! Стою, медленно помешивая стручки фасоли, что сейчас поджаривались мною на сковородке с оливковым маслом и морской солью... и тихонько пою песню «Fever» в версии Роуз Макгоуэн... Вообще – петь люблю. Делаю это часто и везде, вот только на работе в эти два месяца было не до вокала, потому ни шеф, ни мои коллеги с четырнадцатого этажа об этой моей особенности не знали.

Знала Ленка, но...

Думать о подруге не хотелось совсем, более того – не хотелось даже анализировать её поступки, потому я быстро переключилась на позитивные мысли о моем теперешнем положении. Да, я связана контрактом с человеком, полагающим, что мир должен крутиться по мановению его руки, но также – я трудоустроена на высокооплачиваемой (а Лина предупредила меня об этом бонусе) работе на целый квартал впе-

рѣд без возможности увольнения (об этом Лина меня тоже предупредила). Так что всё в моих руках! Если справлюсь с работой за эти три месяца и стану незаменимой помощницей для Глеба, то там уже можно будет потребовать изменения контракта и избавить себя от постыдной должности его домработницы. Хотя, не очень-то она и постыдная, если учитывать, сколько он платит своей прислуге (и об этом Лина сообщила мне – да-да, моя фея прям гонец добрых вестей!).

Кажется, фасоль уже почти готова. Глеб не выходил в эту часть апартаментов, но, судя по звукам из конца коридора, он уже давно перебрался в комнату, переоборудованную в тренажерный зал и располагавшуюся напротив его рабочего места. Мы с феей только один раз удалялись с кухни – в гардеробную шефа, так что я могла сказать с точностью, что в тренажерке он уже больше часа.

Кажется, девочки из бухгалтерии не наврали, когда сказали по большому секрету и абсолютно всем, что у сына гендиректора идеальное тело. Я даже кое-как поборола желание прокрасться и подсмотреть за ним в щелочку, чтобы убедиться, так сказать, воочию...

Вовремя вспомнила, что у меня ещё три месяца впереди. Насмотрюсь. Оценю. И, надеюсь, забуду.

Я заварила вкусный чай с добавлением травок, нарезала лимон, и теперь снимала сковороду с плиты, перекладывая фасоль в отдельное блюдо, продолжая напевать о страсти «и днём, и ночью», – когда услышала шаги шефа. Спокойно до-

певаю последнюю строчку, беру блюдо с фасолью и несу его на стол. Мельком бросаю взгляд на Глеба Самойловича: стоит, смотрит. С влажными после душа волосами, в простой темно синей футболке и свободных черных штанах, он выглядел именно так, как я его и представляла. Нет, вру. Он выглядел намного лучше. Вот только взгляд бы поменять: изумлённый... даже растерянный.

Ставлю блюдо рядом с рыбой, выпрямляюсь, внимательно смотрю на шефа. Да, на мне сейчас – его свободный свитер, заканчивающийся где-то на середине бедра и дарящий столь необходимое тепло моему подмерзшему телу. А на моих ножках красуются широкие вязанные носочки; размер был слишком велик, но, подвернув их, я смогла согреть и свои многострадальные теплолюбивые стопушки. Откуда у Глеба Самойловича в принципе взялись подобные носки – я понятия не имела. Но очень веселилась, когда вместе с Линой смотрела на своё отражение в Его гардеробной.

– Почему вы... – шеф поднимает руку, указывая на свитер, но так и не заканчивает предложение.

Изумление на его лице достойно картины маслом.

– Лина предупредила вас, что человек с моими вещами придет только вечером, а вы были так заняты, что не отреагировали на просьбу дать мне что-нибудь из одежды, – спокойно отвечаю ему, хлопая длинными ресницами.

– Я был занят, да... – хмурясь, соглашается Глеб, не замечая, что творится с моим лицом (никакой просьбы не звуча-

ло и в помине), затем он поднимает взгляд на мои глаза, – Но что с Вашей одеждой?

– Лина увезла её в химчистку. Она ведь вам об этом сообщила, – сообщаю на голубом глазу.

Ага. Трижды сообщила. Пока мы хихикали, как старые кикиморы, решая, не использовать ли штамп номер двадцать два и не надеть ли мне его рубашку? В итоге победила практичность – меня действительно морозило (последствия похмелья), так что остановили свой выбор на свитере.

– Мне снять? – прикладываю руку к материалу, смотрю на него озадаченно, – Вы простите, я же ещё не читала условий контракта, и не знаю, что можно, а что нельзя в вашей квартире, да и как себя вести в принципе: теперь, когда вы – мой босс и на работе, и дома... – замолкаю, чуть склонив голову, жду реакции.

– Да, я дам вам ознакомиться с условиями этим же вечером, – процеживает Глеб, начиная испытывать странные проблемы с взглядом глаза в глаза... да и вообще – с лицезрением меня в принципе.

И что-то мне подсказывает, что не планировал мой шеф давать мне бумажки для ознакомления. По крайней мере сегодня – точно не планировал. Как бы ни утверждал обратное. Однако, теперь даст. Никуда не денется.

– Присаживайтесь, Глеб Самойлович. Все готово, – киваю ему на расставленные блюда, а сама стою на месте, – не знаю только, разрешено ли мне есть с вами за одним сто-

лом... смогу уточнить только сегодня вечером. Если нет, то позвольте мне удалиться в свою новую комнату – я не ела со вчерашнего дня и от запаха еды у меня начинает кружиться голова...

– Вы можете есть со мной, – отчеканил Глеб Самойлович, прерывая мою речь, – Я внесу этот пункт в договор.

Ох, сколько вы ещё в него внесёте!

Беру себе тарелку с приборами, сажусь на табурет напротив шефа, начинаю накладывать еду – по чуть-чуть. Чтобы не «объесть» своего работодателя.

– Вы можете наложить побольше, Мила Георгиевна, – не глядя на меня, негромко, но очень четко говорит шеф.

Порция в моей тарелке увеличивается ровно на пару сантиметров. Пусть помучается от совести... Начальник От Бога.

– А что вы такое... делали, когда я зашел? – через несколько минут спокойного и размеренного потребления пищи, спрашивает Глеб Самойлович.

– Пела? – вопросительно смотрю на него, удивляясь от подбора слов в его фразе, – Вам не понравилось? Или я не имею на это права по контракту? – знаю, меня заносит, но смягчаю свои слова наивным выражением лица и «искренним» желанием узнать.

– Нет, вы можете петь, когда захотите... кроме ваших рабочих часов в компании, конечно, – замявшись, исправился шеф, затем всё-таки поднял на меня глаза, – У вас это хоро-

шо получается.

Знаю.

И даже за комплимент благодарна, но осведомлять кое-кого о своей благодарности не собираюсь.

Потому – просто киваю, возвращаясь к еде. Когда заканчиваю, встаю из-за стола, чтобы убрать пустую тарелку в раковину.

– Вы где-то учились? – его вопрос застаёт меня врасплох.

Я уже и забыла об этом разговоре. Поворачиваюсь к Глебу, смотрю на него внимательно.

– Нет. Я просто очень любила музыку с детства: смотрела диснеевские мультфильмы и зарубежные сериалы с музыкальным оформлением... запоминала, пела вместе с героями, смотря очередную серию по телевизору. На музыкальную школу или какое-либо другое обучение у моей семьи денег не было.

Что говорить? Даже та «деловая» одежда, в которой я приходила в офис, была приобретена мной со скрипом зубов – я никогда не имела лишней пары тысяч в кармане. А во время учебы жила в общежитии на стипендию и подрабатывала везде, где успевала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.